В. ТЕМНОЙ

ДВЕ
ВЛАСТИ.

U 56/372

56
372

Василій Темный.

Двѣ Власти.

Цѣна 35 коп.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета
1909.

Василій Темный.

И 56/372

Двѣ Власти.

Цѣна 35 коп.

§1
1/II 34 лб

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1909.

2007096544

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде всего я долженъ ознакомить читателя съ цѣлью моего писанія. Я пишу не для того, чтобы обвинить кого-либо изъ людей въ тѣхъ поступкахъ, которые недостойны человѣка. Для того, чтобы обвинить кого-либо въ совершенномъ имъ поступкѣ, нужно стать въ оппозицію не къ событію, а къ лицу. Я же не принадлежу ни къ какой партіи, потому что вмѣщаю въ себя всѣ партіи безъ исключенія въ той ихъ части, которая, по моему убѣжденію, служитъ характерной чертой человѣческаго достоинства, и въ то же самое время я возстаю противъ всѣхъ рѣшительно партій въ остальной ихъ части, которая служитъ доказательствомъ человѣческаго несовершенства. Итакъ, цѣль моего писанія иная.

Я пишу для того, что желаю найти и опредѣлить ту грань, которая служитъ предѣльной линіей между добромъ и зломъ..... Но для того, чтобы опредѣлить подобную линію, нужно стороны, долженствующія соприкасаться съ ней, поставить на свое мѣсто...

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ нашемъ мірѣ, какъ и во всей вселенной, начиная съ былинки и ея рожденія и кончая человѣкомъ и его смертью, или начиная съ восхода весенняго животворящаго солнца и кончая всеразрушающей бурей, красота и законченность различныхъ предметовъ и явленій составляли бы совершенство природы, если бы не было во всемъ этомъ отрицанія самого принципа совершенства, выражающагося въ законченности этихъ предметовъ, этихъ явленій, т.-е. если бы не было всеразрушенія всесозидаемому, если бы для жизни не было смерти, если бы не было отрицательныхъ проявленій вообще, словомъ, если бы не было тѣхъ началъ, которыя служатъ доказательствомъ какъ бы несовершенства самой природы.

Все, что въ этой области за предѣлами

нашего пониманія, мы называемъ тайной природы, но пытливый умъ человѣка всегда стремится проникнуть своей мыслью въ эту таинственную область, при чемъ стремленіе это вызывается опять-таки самой природой, какъ и каждое явленіе или предметъ. Въ этомъ вызываніи и есть міровая загадка. Разгадать ее значитъ — объяснить необъяснимое, непонятное сдѣлать понятнымъ. Все это, вмѣстѣ взятое, свидѣтельствуетъ о томъ, что природа сама какъ бы желаетъ или стремится объединиться и съ человѣкомъ и со всей вселенной въ такой степени, чтобы составить нѣчто дѣйствительно цѣлое, законченное, а слѣдовательно, и совершенное.... Иначе выражаясь, природа стремится какъ бы раздѣлиться сама въ себѣ, т.-е. устранить противорѣчіе, нарушающее принципъ совершенства и законченности.

Имѣя на этотъ предметъ свою точку зрѣнія, я предлагаю желающимъ ознакомиться съ этой книгой, получить возможность взглянуть на жизнь подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который захватываетъ еще неосвѣщенныя стороны ея; тогда многія противорѣчія какъ въ самой природѣ, такъ равно и въ проявленіяхъ человѣческой воли устранят-

ся сами собой, многое непонятное сдѣлается вполнѣ яснымъ, недостижимое—доступнымъ. При всемъ этомъ опредѣлятся какъ бы не одна, а двѣ природы или, выражаясь точнѣе, двѣ власти, равныя по силѣ, но противоположныя по существу и по стремленіямъ. Одна власть свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ есть совершеннѣйшее среди животныхъ, почему по праву именуется „вѣнцомъ творенія“, а вторая власть съ ясностью доказываетъ, что среди животныхъ глупѣйшее—человѣкъ, и что въ силу этого онъ представляетъ изъ себя полнѣйшее ничтожество.

Сужденія по этому поводу и доказательства я буду излагать въ примѣрахъ.

ДВѢ ВЛАСТИ.

Примѣръ первый.

Единовластіе.

ГЛАВА I.

Мы, люди, привыкли всѣ проявленія нашей жизни относить и подчинять дѣйствію одной власти. Такъ напримѣръ, мы создали религію, по которой все, проявляющееся въ жизни, физической или отвлеченной стороной своего существа относимъ всецѣло къ дѣйствію одной положительной власти—Бога. Далѣе, мы создали законы государственные, и полагаемъ, что судъ по нимъ исходитъ отъ одной положительной власти. Затѣмъ каждый человѣкъ всѣ свои стремленія и дѣла относитъ къ дѣйствію самоличной своей власти, и т. д.

И такъ, во всемъ мы стремимся видѣть единую власть, но когда жизнь на каждомъ шагу вызываетъ разочарованія въ

нашихъ стремленіяхъ, мы становимся въ тупикъ, не зная, чѣмъ объяснить подобное неожиданное явленіе. Такъ, напримѣръ, по религіознымъ возрѣніямъ Богъ, будучи всемогущъ и совершенъ, сотворилъ все самъ, а между тѣмъ появилась такая масса несовершенства и несправедливости, что даже богословы не знаютъ, что сказать на это и народъ думаетъ: „значитъ, никакой всемогущей власти нѣтъ и Богъ не что иное, какъ выдумка“. По законамъ же государственнымъ дѣло обстоитъ еще хуже: вчастую вмѣсто того, чтобы судья праведный судилъ раба недостойнаго выходитъ наоборотъ: судья недостойный, осуждаетъ праведнаго.... И тутъ народъ думаетъ: „ или законы—злая выдумка или... кто ихъ выдумалъ—недобрый человѣкъ“... Наконецъ, каждый изъ насъ самъ себѣ перестаетъ вѣрить: дѣлалъ одно—а вышло другое; устраивалъ революцію, а получилась реакція, или наоборотъ, дѣлалъ реакцію, а вышла революція; стремился увеличить состояніе, а потерялъ и то, что имѣлъ; предполагалъ любить (допустимъ, жену), а въ дѣйствительности — возненавидѣлъ, и т. д.

Благодаря подобнаго рода неожиданно-

стямъ и получающимся противорѣчіямъ въ дѣлахъ и въ ожиданіяхъ, дѣйствительность иногда доходитъ до положительныхъ курьезовъ. Возьмемъ изъ многихъ одинъ примѣръ самыхъ послѣднихъ событій. Такъ какъ народная мысль сосредоточилась на единовластіи, то, естественно, все сильнѣйшее пробивалось къ этому предѣльному положенію—единовластію, т.-е. къ положенію человѣка-властелина; поэтому каждый народъ имѣетъ своего единовластителя или царя. Но такъ какъ народы раздѣлились по странамъ, а страны по государствамъ и по національностямъ, то получилось на землѣ нѣсколько царей. И вотъ тутъ-то и начинается курьезъ.

На свѣтѣ есть одинъ народъ, хотя и не такой умный, какъ другіе, но за то по хитрости считается первымъ; это—одинъ изъ восточныхъ народовъ, персы. Вотъ ихъ царь—шахъ персидскій—долго думалъ надъ тѣмъ, какъ же это такъ, что единовластія въ концѣ концовъ не получилось: на землѣ оказалось нѣсколько царей вмѣсто одного.... Подумалъ, подумалъ мудрый повелитель Ирана и объявилъ себя не болѣе не менѣе, какъ царемъ царей... А чтобы его народъ и онъ самъ

повѣрили этому, началъ писать манифесты, начиная словами: „Мы, Царь Царей“, и т. д., и повѣрили всѣ—и народъ, и онъ самъ..., и даже остальные цари какъ бы согласились съ этимъ. И правилъ онъ на благо народа, но когда жизнь начала убѣждать въ противномъ, то получился курьезъ: Царь Царей превратился въ обыкновеннаго персіянина. Правда, его званіе принялъ другой, но курьезъ—такъ и остался курьезомъ.

Я же хочу доказать, что во всѣхъ рѣшительно проявленіяхъ жизни, какъ во всей вселенной, такъ равно и въ нашемъ мірѣ, и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, какъ и въ самой природѣ, дѣйствуютъ не одна, а двѣ власти. Въ доказательство этого я приведу вамъ нѣсколько различныхъ примѣровъ изъ дѣйствительнаго положенія самыхъ жизненныхъ явленій, постараюсь брать примѣры общегосударственнаго интереса, какъ болѣе существенные, и приведу ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Изъ этихъ примѣровъ каждый человѣкъ съ ясностью можетъ убѣдиться въ справедливости моихъ предположеній о господствѣ двухъ властей. Но такъ какъ эти власти противоположны по стремленіямъ (иначе была бы одна власть),

то ихъ существованіе выражается въ непрерывной борьбѣ. А такъ какъ каждая изъ этихъ властей безпредѣльна, то сфера ихъ вліянія (эта борьба) захватываетъ не только человѣка, или иную матерію, или разумное существо, но и всю вселенную, всю безконечность.

Примѣръ второй.

Вѣра и религія.

ГЛАВА II.

Прежде всего нужно точно, т.-е. съ ясностью опредѣлить понятіе о вѣрѣ: что такое—вѣра. Тогда представленіе о религіи сдѣлается само собой понятнымъ.

Пониманіе вѣры у людей различно. Каждый по своему о ней судитъ. Въ общемъ же всѣ понятія свелись къ тому, что вѣра есть не что иное, какъ признаніе Бога за самостоятельную личность, творческую силу, отъ которой все происходитъ. Такъ напримѣръ: и любовь, и ненависть, и что отъ Него нисходятъ и несчастіе и счастіе, и даже сотворенный Имъ въ началѣ херувимъ впослѣдствіи ослушался Божескихъ велѣній, за что былъ превращенъ въ сатану, т.-е.

въ духа проклятія и вѣчной злобы; и что этотъ Богъ, какъ сила, подобенъ солнцу, которое и живитъ и изсушаетъ; и что вслѣдствіе всего этого у человѣка является чувство раболѣпнаго трепета предъ сознаніемъ всемогущества карающаго Бога, а на ряду съ этимъ, чувство благоговѣйнаго умиленія предъ Его милосердіемъ и ниспосылаемыми щедротами кающемуся грѣшнику. Совокупность подобныхъ чувствъ, испытываемыхъ человѣкомъ, называется „религіознымъ настроеніемъ“, и что религіозное настроеніе въ свою очередь вызываетъ потребность вѣрить, а подобнаго рода потребность создаетъ обряды, какъ внѣшнее проявленіе внутреннихъ духовныхъ стремленій.

Мнѣ думается, что приведенное или ему подобное понятіе о вѣрѣ есть величайшее заблужденіе, возникшее на почвѣ прогрессивнаго деспотическаго порабощенія человѣческой воли, человѣческой мысли...

Вотъ почему всѣ религіи превратились въ законъ, а вѣра въ обрядъ.

Мысль человѣческую, этотъ величайшій Божій даръ, заключили въ рамки, указали предѣлъ, заборъ; за этотъ предѣлъ, за этотъ заборъ человѣкъ не имѣлъ права (по зако-

ну) выпускать свою мысль изъ своей головы, дабы не поплатиться за ослушаніе этой самой головой. Мысль человѣческая не имѣла также права приближаться къ своему первоисточнику—Богу, это также запрещалъ законъ (человѣческій). Этотъ законъ во всѣ времена издавался своими современниками, своими Пуришкевичами, Пергаментами, епископами правыми, епископами лѣвыми и свѣдущими людьми, партійными и безпартійными, и т. п. братіей. Такимъ путемъ получался законъ по закону. Этотъ законъ время отъ времени передѣлывался людьми соотвѣтственно человѣческому развитію и потребностямъ даннаго времени. Все измѣнялось въ этомъ законѣ, кромѣ принципа порабощенія воли и мысли человѣческой, именно, кромѣ того, съ чего слѣдовало бы начать измѣненіе.

Творчество человѣческой мысли, стремящейся вырваться изъ несносной темницы, этой тяжелой неволи человѣческаго деспотизма, вырваться и уйти къ своему Богу, признавалось еретическимъ пачаломъ... Быть можетъ, человѣкъ, дѣйствительно, стремился къ Богу по ложному пути, но все же онъ стремился Его познать, Его найти, такъ

точно, какъ заблудившійся ребенокъ стремится, быть можетъ, и по ложному пути отыскать свою мать, чтобы въ ея объятіяхъ забыть свое горе... И одно искреннее стремленіе приближаетъ его къ матери и худо, если ребенокъ перестанетъ чувствовать потребность въ подобномъ стремленіи, это будетъ великое горе и для него и для матери. А горе еще большее, когда человѣкъ потеряетъ потребность въ стремленіи къ Богу, хотя бы и ложнымъ путемъ; потеряетъ стремленіе разгадать то, чѣмъ онъ живетъ. Это горе—безпредѣльно. И вотъ за это естественное стремленіе живой человѣческой мысли къ своему первоисточнику. высшему разуму—Богу, людей мучили, жгли на кострахъ, всячески пытали и до нашихъ дней лишали общечеловѣческихъ правъ, посылая другъ другу проклятіе, однимъ словомъ, ненавидѣли.

Кто желалъ избѣгнуть подозрѣнія въ принадлежности къ еретичеству, т.-е. избавиться ненависти, тотъ долженъ былъ принимать обрядъ—за вѣру, а законъ—за религію...

И вотъ этимъ путемъ заблужденій человѣчество дошло до потери истинной вѣры. той вѣры, которая двигаетъ горами...

— Но что же такое вѣра?

Вѣра это не что иное, какъ чувство нравственнаго осязанія самого Бога.

Вѣра—это ощущаемое человѣкомъ присутствіе Бога въ человѣкѣ. Человѣкъ, имѣющій въ себѣ эту вѣру, т.-е. вмѣщающій въ себѣ самого Бога, человѣкъ этотъ двигаетъ горами, не горитъ въ пещи огненной, ходитъ по морю и хищные звѣри въ трепетномъ страхѣ благоговѣнія не смѣютъ приблизиться къ нему, а бушующія стихіи смолкаютъ по слову его...

Вотъ это есть точное представленіе о вѣрѣ. Человѣкъ, не имѣющій подобнаго представленія о вѣрѣ, не имѣетъ никакой вѣры; слѣдовательно, невозможно имѣть вѣру тому человѣку, который не въ силахъ ощутить въ себѣ присутствіе Бога, потому что вѣрить возможно лишь въ существующее, хотя и невидимое, но ощущаемое нравственно.

Вотъ я и спрашиваю, при чемъ же тутъ обрядъ? Вѣдь обрядъ есть внѣшняя форма. а не внутренняя сила. Обрядъ безъ этой живой силы все равно, что архіерейская мантія безъ самого архіерея: мантія безъ владыки будетъ тлѣнъ, а владыко безъ ман-

тіи—владыко... Обрядники могутъ возразить, сказать. что и мантія можетъ дѣлать чудеса... Я отвѣчу—да, но при условіи, если носитель ея былъ святой, т.-е. если человѣкъ, носившій эту мантію, заключалъ въ себѣ живую силу вѣры, а не ограничивался одной лишь обрядовой внѣшностью—мантіей и прочими аттрибутами обрядовъ.

Теперь, представленіе о религіи дѣлается само собой понятно. Теперь дѣлается понятно, что религія это не что иное, какъ государственное установленіе. Религія это порабощенная идея, т.-е. стремленіе человѣческой души и мысли познать своего Бога, заключенное въ рамки, воплощенное въ законъ. Такимъ образомъ, религія—это вѣра, посаженная въ клѣтку, это—птица съ обрѣзанными крыльями. Но это съ одной стороны, а съ другой, религія—это духовный культъ человѣка, вызывающій обряды, т.-е. духовное приличіе, которое замѣнило вѣру, такъ точно, какъ и гражданскій культъ народовъ вызываетъ обычаи, т.-е. гражданское приличіе. Вотъ почему и то и другое служитъ внѣшнимъ показателемъ душевныхъ качествъ или дѣйствительной порядочности, т.-е. тѣхъ началъ, которыя сокрыты въ че-

ловѣкѣ, почему и представляютъ тайну. Но такъ какъ къ исполненію указанныхъ обрядовъ или приличій призываются и обязываются всѣ люди своей страны и такъ какъ между этими людьми есть добрые и злые, достойные и недостойные, то и нельзя разобрать, гдѣ кто. Поэтому вчастую богоотступника принимаютъ за святого, а святого за еретика или врага церкви. Такъ точно, какъ перваго мерзавца или разбойника, обкрадывающаго народныя силы, принимаютъ за благодѣтеля, а честнаго, вполнѣ достойнаго человѣка, отдающаго силы на общую пользу всѣхъ людей, сажаютъ за рѣшетку, какъ преступника.

Подобная жизнь крайне тяжела, какъ невѣжественное заблужденіе. Люди въ силу этого невѣжества сосредоточились на усовершенствованіи проявленія своихъ внѣшнихъ или наружныхъ признаковъ, устанавливающихъ якобы порядочность и достоинства человѣка, не заботясь о соотвѣтствіи моральныхъ, внутреннихъ основъ тѣхъ же качествъ. Проявленіе внѣшнимъ образомъ собственныхъ достоинствъ носитъ различныя спеціальныя названія, въ соотвѣтствіи извѣстному слою общества. Такъ, напримѣръ,

въ высшихъ или придворныхъ сферахъ подобныя проявленія называются этикетомъ, среди ученыхъ слоевъ—культурностью, среди интеллигенціи—корректностью, среди народа—обычаемъ и среди остальныхъ людей—приличіемъ. Это все относится къ устроенію жизни гражданской. А въ духовной жизни страны проявленія достоинства догматическаго характера называются обрядами. Благодаря подобному опредѣленію человѣческихъ достоинствъ много поглощается человѣческой мозговой энергіи на рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ кого надлежитъ посадить во время обѣда. какія принимать позы при разговорѣ, какую предпочесть мимику и какую надлежитъ сохранить улыбку...

И опять—таки не умъ, не дѣйствительныя способности человѣка, а мѣсто, на которомъ сидитъ человѣкъ, является рѣшающимъ.

Теперь нужно выяснить еще одинъ самый главный вопросъ—представленіе о самомъ Богѣ. Что такое Богъ и въ чемъ можетъ выражаться присутствіе Его въ человѣкѣ.

Для этого я предложу ознакомиться сначала съ инерціей и ея первоисточникомъ, какъ схемой для сужденія о томъ Богѣ, въ котораго не то что перестали вѣрить (это было

бы неправильное выраженіе), а вообще никогда не вѣрили за малымъ исключеніемъ, которое представляютъ пророки и святые, потому что не знали Его, не знали же потому, что запрещалось знать: т.-е. мыслить и стремиться постигнуть необходимое—Бога, какъ Первоисточника собственнаго существованія. Всѣ народы, за исключеніемъ пророковъ и святыхъ, были людьми, вовсе не вѣрующими, а лишь религіозными, т.-е. не чувствующими и не осязающими Бога въ своей душѣ, въ своемъ сознаніи, и не стремящимися познать Его, а лишь думавшими, что достаточно, если Онъ будетъ знать насъ.

Примѣръ третій.

Пиперія и ея первоисточникъ.

ГЛАВА III.

Все существующее въ мірѣ, все наполняющее и составляющее міръ, имѣетъ посредственное или прямое между собою общеніе, общее сцѣпленіе или взаимодѣйствіе.

Все появляется, существуетъ и проявляетъ себя по установленному закону природы.

Все появляющееся развивается, существуетъ и вновь исчезаетъ. Этотъ законъ природы называется инерціей.

Предметъ, имѣющій свое начало—предметъ не самостоятельный, а зависимый.

Инерція, какъ и все остальное въ мірѣ, не является сама собою. Инерція также имѣетъ свое начало. Инерція зависитъ отъ энергіи, слѣдствіемъ которой она является.

Энергія, въ свою очередь, зависитъ отъ силы, ее создающей. Всякая сила, основанная на извѣстныхъ законахъ природы, имѣющая свое объясненіе, также имѣетъ и свое начало. Возьмемъ примѣры.

1. Примѣръ физическій: полетъ пули. А) полету пули предшествуетъ ея появленіе изъ дула ружья. Затѣмъ развитіе полета—ея существованіе, и, наконецъ,—обезсиленіе, исчезновеніе; б) пуля летитъ по инерціи съ той скоростью, то пространство и время, которыя соотвѣтствуютъ энергіи заряда, ее вытолкнувшаго. Степень энергіи заряда, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ силы взрывчатаго вещества, вошедшаго въ зарядъ, заключающій извѣстную степень энергіи и т. д.

2. Примѣръ отвлеченный: полетъ мысли.

А) мысль такъ же, какъ и пуля, имѣетъ свое появленіе, развитіе, слѣдовательно, и свое существованіе и, наконецъ, исчезновеніе; б) развитіе мысли—ея полетъ. т.-е. инерція мысли также имѣетъ свой непосредственный источникъ—„вещество мозга“. Отъ энергіи „вещества мозга“ зависитъ степень развитія мысли. Вещество мозга, какъ энергія, имѣетъ своимъ началомъ силу, питающую его или дающую соотвѣтствующую степень энергіи и т. д.

Слѣдовательно, чѣмъ сильнѣе инерція, тѣмъ будутъ сильнѣе всѣ восходящія начала, ее рождающія. И наоборотъ: чѣмъ могущественнѣе сила, рождающая энергію, тѣмъ сильнѣе степень инерціи.

Итакъ, всякая сила, имѣющая объясненіе или свое начало, не есть первоисточникъ силъ. Первоисточникъ силъ есть сила всеобъемлющая, неподдающаяся опредѣленію и объясненію по общимъ для остальныхъ силъ законамъ. Это есть законодатель, творецъ всѣхъ силъ и всѣхъ законовъ. Эта сила есть вѣчность, Богъ.

Люди инерціей своей мысли, своего ума съ точностью установили и опредѣлили „міровую инерцію“: движеніе или полетъ земли

вокругъ солнца, луны вокругъ земли, звѣздную систему; до нѣкоторой степени опредѣлили инерцію горѣнія солнца и т. п. Все это болѣе или менѣе опредѣлено въ достаточной степени. Остается невыясненнымъ вопросъ о міровой энергіи, какъ источникѣ міровой инерціи.

Если міровую энергію можно объяснить, въ предположеніи, извѣстнымъ міровымъ взаимодѣйствіемъ, устанавливающимъ міровое равновѣсіе, то все-таки останется необъяснимымъ источникъ міровой энергіи. А источникъ долженъ быть.

Такъ какъ всѣ явленія физическія подробно обслѣдованы и объяснены до міровой инерціи и предполагаемой міровой энергіи включительно то, слѣдовательно, источникъ міровой энергіи есть сила не физическая, а отвлеченная. И если бы эта сила была физической, то во-первыхъ, она имѣла бы свое объясненіе на основаніи общихъ физическихъ законовъ, и во-вторыхъ, она не являлась бы вслѣдствіе этого первоисточникомъ, такъ какъ имѣла бы сама въ свою очередь начало.

Первоисточникъ, отъ котораго все произошло, есть предметъ отвлеченный, не имѣ-

ющій своего начала, т.-е. безначальный, а, слѣдовательно, и безконечный или вѣчный. Этотъ первоисточникъ есть Богъ, но этотъ Богъ не имѣетъ ни бороды, ни рукъ, ни ногъ. Этотъ Богъ не представляетъ собою какую-либо форму или очертаніе, хотя бы не физическія, а отвлеченныя. Этотъ Богъ внѣ предѣловъ: Онъ—Вѣчность. Но этотъ Богъ троиченъ въ своемъ существѣ. Онъ въ трехъ лицахъ: Богъ Отецъ Саваофъ есть Вѣчность. т.-е. постоянная, непрерывная жизнь; Богъ Сынъ—Слово есть Время, всеобъемлющее; Богъ Духъ Святой есть Пространство, всенаполняющее. Этотъ Богъ *всемогущъ*, потому что Онъ *вѣчный*. Этотъ Богъ—*великъ*, потому что Онъ *не объяснимъ*, но *понятенъ*. Этотъ Богъ—*единъ*, потому что Онъ *всесознающій*. Если бы не было вѣчности, вѣчной жизни, не было бы и ея части—временной жизни, не было бы ни рожденія, ни смерти. Если бы не было времени всеобъемляющаго, не было бы и части его: періодовъ между появленіемъ и исчезновеніемъ міровыхъ предметовъ и явленій. Если бы не было пространства всеобъемлющаго, не было бы мѣста для части его—измѣренія. Не было бы мѣста ни одному предмету.

Итакъ, первоисточникъ жизни и смерти [1]), мысли и разума, чувства и любви, всякаго начала отвлеченнаго и всякой физической матеріи есть Тріипостасный Богъ, такъ какъ Онъ есть Источникъ міровой энергіи и Первоисточникъ міровой инерціи. Каждый изъ трехъ членовъ Божества заключается одинъ въ другомъ, такъ какъ они *нераздѣльны по существу*:

Богъ Отецъ—Вѣчность,
Богъ Сынъ—Время,
Богъ Духъ—Пространство
} не имѣющіе начала и конца.

Этотъ Богъ, какъ и каждый изъ трехъ членовъ Божества, безначаленъ, и потому безпредѣленъ.

Всеобъемлющій, а слѣдовательно, всенаполняющій, вездесущій. Всесозидающій, слѣдовательно, животворящій, любвеначальный, всесильный и всемогущій Богъ во всѣхъ положительныхъ проявленіяхъ, ибо Онъ источникъ жизни, а не смерти. Смерть относится къ дѣйствію иной силы, другой власти.

---

[1]) Говорю: Первоисточникъ смерти не въ томъ смыслѣ, что Богъ Самъ и умертвляетъ то что создалъ, а въ томъ смыслѣ, что смерть не можетъ послѣдовать, если не будетъ первоначально жизни.

Всемогущество Бога, какъ власти положительной можетъ выражаться въ томъ напримѣръ, что мертвый—воскреснетъ. Но ни въ коемъ случаѣ Божіе всемогущество не можетъ выражаться въ томъ, чтобы живое существо превращать въ мертвое, такъ какъ смерть есть дѣйствіе отрицательной власти. Вотъ почему появленіе новой жизни, т.-е. новое проявленіе ея, наприм., рожденіе человѣка, вызываетъ въ окружающихъ радость и веселье, независимо отъ того будетъ ли новорожденный впослѣдствіи разбойникомъ или палачемъ, т.-е. убійцей по-призванію или убійцей по найму; или же онъ будетъ сторонникомъ жизни и всепрощенія, т.-е. защитникомъ истины, и тоже—по призванію или по найму.

Такъ точно, когда угаснетъ жизнь человѣка, то окружающіе его люди, независимо отъ бывшихъ качествъ умершаго, чувствуютъ—взамѣнъ веселья, вызываемаго жизнью,—какое то состояніе не то подавленнаго страха, не то угнетеннаго духа, словомъ, такое, какое можетъ вызывать одна лишь смерть.

ГЛАВА IV.

Теперь мы ознакомились съ представленіемъ о дѣйствительномъ, существующемъ и понятномъ для каждаго Богѣ.

Вотъ тотъ Богъ, который отражается во всей вселенной, какъ въ зеркалѣ. Этотъ всемогущій, всенаполняющій и *животворящій* Богъ не требуетъ ничего, кромѣ единенія всѣхъ и единства съ Нимъ: ибо Онъ въ насъ (живетъ), а мы—въ Немъ....

Этому общенію или единству съ Богомъ я приведу хотя слабую, но доступную для пониманія параллель. Такъ напр., когда я отрѣжу себѣ ногти, остригусь, т.-е. обрѣжу волосы, то я отъ этого не измѣняюсь въ своемъ существѣ, хотя отрѣзанные ногти и волосы пропадаютъ. Но мы пойдемъ еще дальше. Предположимъ, что хирургъ будетъ расчленять меня, отнимая то пальцы рукъ, ногъ, части тѣла, то части внутреннихъ органовъ, и т. д.; можно такимъ образомъ, хотя бы мысленно, разобрать меня всего на безчисленное множество частей, и главныхъ и второстепенныхъ. И все-таки это будутъ лишь мои части, и притомъ ничего не значущія только потому, что онѣ со мной ра-

зобщились, потому что онѣ отдѣлились отъ меня... Но когда эти части находятся вмѣстѣ, то это буду—я.

Вотъ подобное представленіе или сужденіе можно имѣть и о Богѣ. Онъ—вѣчность. Его части—вселенная. Какъ вы не расчленяйте Его,—Онъ остается вѣчнымъ. Насколько ни были бы отдѣленныя отъ Него части велики или ничтожны. Онъ остается всемогущъ. И если мы станемъ мысленно раздѣлять Его, эту вѣчность на года, вѣка, тысячелѣтія, если мы мысленно сдвинемъ горы въ моря, а моря превратимъ въ паръ и разсѣемъ въ пространствѣ, если, наконецъ, мысленно мы уничтожимъ всѣ народности, по-чему-либо нежелательныя намъ, даже если вырѣжемъ всѣхъ тварей и оставимъ только для опыта три живыхъ существа, допустимъ Пуришкевича, Гучкова и Гегечкори, то все-таки уничтоженные вѣка, народы, мірозданія не уничтожатъ Божества—Вѣчности, вѣчной жизни, и все-таки Богъ отразится своей жизнью въ этихъ трехъ оставшихся тваряхъ. Но если бы не оставлять и ихъ, то жизнь все-таки продолжала бы существовать и внѣ формъ и внѣ предѣловъ.

Но когда представители всѣхъ національ-

ностей и всѣхъ религій, находящіеся и въ нашей Государственной Думѣ и въ парламентахъ всего міра (говорю о народныхъ представителяхъ потому, чтобы отдѣлить умнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ людей, какъ величины всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ), собравшись вмѣстѣ или порознь начнутъ говорить каждый о своей вѣрѣ, представляя ее различно, то они будутъ неправы и заслужатъ справедливый упрекъ; неправы будутъ, потому что вѣра, какъ и совѣсть, возможна лишь одна, общая, такъ точно, какъ и Богъ возможенъ лишь одинъ общій, а заслужатъ же упрекъ, потому что въ силу высказанныхъ соображеній и занимаемаго ими положенія подорвутъ значеніе той величины, которую призваны представлять.

То обстоятельство, что Богъ создалъ вселенную и различныхъ людей понятно, но когда люди начали создавать каждый народъ своего Бога, т.-е. Боговъ различныхъ, то это, по меньшей мѣрѣ, непонятно, а вѣдь говоря о различной *вѣрѣ*, говорятъ о различныхъ Богахъ.

Но разберемся въ этомъ запутанномъ вопросѣ, дабы все въ немъ стало ясно и доступно „здравому уму и твердой памяти“.

Для этого Бога и вѣру оставимъ пока, такъ сказать, въ сторонѣ, начнемъ съ предмета болѣе для насъ понятнаго — съ совѣсти. Впрочемъ, не каждому и она понятна, такъ какъ не каждый и ее имѣетъ, иначе выражаясь, не каждый въ нее *вѣритъ*, хотя она существуетъ, а не вѣритъ тотъ, кто *не ощущаетъ* ее. Поэтому мы безсовѣстныхъ отдѣлимъ въ особую группу лицъ, чтобы объ нихъ имѣть особое (безсовѣстное) сужденіе.

Примѣръ четвертый.

Совѣсть.

ГЛАВА V.

Итакъ, совѣсть, кажись, для всѣхъ должна быть понятна, такъ какъ она одна. И кто ее желаетъ имѣть, то можетъ имѣть ту же самую, какую должны имѣть всѣ люди, т.-е. общую совѣсть.

Но на дѣлѣ оказывается далеко не такъ: въ дѣйствительности люди надѣлали себѣ различныхъ „совѣстей“, подходящихъ къ своей натурѣ, и гордятся ими. Совѣсти же эти суть слѣдующія:

I. „Совѣсть“ коммерческая, признанная здоровой совѣстью. Коммерсантъ съ подоб-

ной совѣстью не станетъ убивать васъ какимъ-либо орудіемъ, въ родѣ гири, топора и т. п., чтобы вынуть изъ вашего кармана деньги или вывезти ваше имущество и воспользоваться имъ. Подобный актъ противенъ „его“ совѣсти, онъ слишкомъ брезгливъ и впечатлителенъ, чтобы слышать хрипѣніе перерѣзаннаго горла или видѣть кровь, струящуюся изъ нанесенной раны. Къ тому же онъ черезчуръ „чистоплотенъ“ для того, чтобы во время самозащиты намѣченная имъ жертва могла коснуться своими руками, допустимъ, его лица. Вообще подобный коммерсантъ весьма „безупреченъ“, какъ безукоризненный джентльменъ.

Но за то если онъ предупредительно, по „совѣсти“, надѣлитъ васъ своимъ товарцемъ или вообще войдетъ съ вами въ коммерческія сношенія, то у васъ отъ подобнаго пріобрѣтенія или отношеній „поджилки затрясутся“ и „нутро ныть станетъ“. А когда подобный коммерсантъ пожелаетъ васъ „облагодѣтельствовать“ и приметъ въ свою компанію, то ..... ему ужасно не повезетъ: его компаньоны, въ томъ числѣ, конечно, и вы, окажутся нищими компаньонами, благодаря чему онъ будетъ „вынужденъ“ для спасенія

„общаго“ дѣла, предложить кредиторамъ по гривеннику „за рупь“. И когда наученный „горькимъ опытомъ“ этотъ коммерсантъ начнетъ впослѣдствіи работать одинъ, безъ компаньоновъ, то станетъ поправляться и..... Богъ (?) вознаградитъ его „за прежнія потери“, пріумножитъ его состояніе, которое окажется равнымъ совокупнымъ средствамъ всѣхъ бывшихъ компаньоновъ.....

Когда этотъ „коммерсантъ“ достигнетъ подобнаго положенія,—онъ его называетъ „независимымъ,“—то начинаетъ трудиться уже не для себя, нѣтъ,—онъ уже трудится на благо родины,.... онъ начинаетъ развивать отечественную промышленность, для каковой цѣли строитъ фабрики, заводы, и такъ какъ онъ уже началъ трудиться для родины, то считаетъ свое дѣло какъ бы не своимъ; онъ считаетъ его дѣломъ „государственнымъ“, а поэтому, во первыхъ, сейчасъ же обращается за правительственной субсидіей и, во вторыхъ начинаетъ строго „по совѣсти“ относиться къ дѣлу; онъ всегда и во всѣхъ даже мелочахъ усматриваетъ „недочеты и неправильности“ какъ со стороны подрядчиковъ, такъ со стороны рабочихъ всѣхъ отраслей труда, какія только входятъ въ

его новое „государственное“ дѣло..... (Служащихъ онъ не трогаетъ, ибо они замѣняютъ ему тѣ чужія руки, которыми онъ загребаетъ жаръ....).

Подобный коммерсантъ, не щадя живота „своего“ (?), всѣхъ провинившихся наказываетъ для примѣра другимъ: однихъ отечески штрафуетъ, другимъ не платитъ по закону, кто не исполнилъ договора, и т. п. Когда же обиженные имъ люди пожалуются „начальству“ и когда это начальство явится къ „притѣснителю“ для „строгаго“ разслѣдованія дѣла, то сей „государственный“ дѣятель по правотѣ своей „совѣсти“ не приминетъ, порядка ради, оказать почитаніе власти, дабы въ большей мѣрѣ утвердить въ странѣ незыблемость уваженія къ закону.

Поэтому, соотвѣтственно степени содѣянной имъ подлости и полученной изъ-за этого выгодѣ, а равно и „глядючи“ по начальству, онъ „принимаетъ его угощеніемъ“ и воздаетъ мзду по доброму своему расположенію и сообразуясь съ ограниченностью получаемаго явившимся чиномъ жалованія.

Въ подобныхъ случаяхъ все дѣло кончается начальническимъ „разносомъ“ (а то и хуже) жалобщиковъ за возмущеніе, а кро-

мѣ этого для поддержанія дисциплины дѣлецъ налагаетъ новый штрафъ за озорничество....

И вотъ подобный субъектъ съ коммерческой совѣстью возглашаетъ въ концѣ концовъ, что онъ „содержитъ“ сотни или тысячи душъ народа и что благодаря этому сколько голытьбы избавлено имъ отъ голода (?). Какъ вы думаете, читатель, можетъ ли быть болѣе вопіющая несправедливость и нахальство? Что можно возразить подобному радѣтелю на его возмутительную клевету на народъ вообще и на честныхъ тружениковъ въ частности? Вѣдь то, что слѣдовало бы сказать, то, что просится само на языкъ, то, что при осадномъ положеніи можетъ быть сочтено за нарушеніе обязательныхъ постановленій, то самое нужно не только сказать, но и кричать о немъ всему свѣту, а именно: что не онъ кормитъ эти тысячи народа, а наоборотъ, эти тысячи людей, начиная съ его бывшихъ компаньоновъ, приносили и теперь приносятъ въ жертву все: свое здоровье, свой тяжелый трудъ, свои силы, свои средства, наконецъ, свой человѣческій обликъ—все, чтобы только создать то колоссальное богатство, которое принадлежитъ „благодѣтелю“.

ГЛАВА VI.

Я бы посмотрѣлъ, что сталъ дѣлать этотъ „благодѣтель“, если бы его „благодѣянія“, не приняли. Мнѣ думается, что тогда эту самую „голытьбу“, которую онъ кормитъ, онъ самъ и представлялъ бы. Мнѣ припомнился одинъ анекдотъ, весьма характерный для приведенія въ данномъ случаѣ. Это было во время крѣпостного права и происходило въ Малороссіи. Одинъ помѣщикъ женился на своей крестьянкѣ—хохлушкѣ, и вскорѣ послѣ свадьбы ему пришлось уѣхать по дѣламъ въ губернію. Уѣзжая, помѣщикъ приказалъ своему дворецкому, чтобы барынѣ не было скучно, показать ей въ его отсутствіи все богатство, размѣщенное по многочисленнымъ комнатамъ и заключающееся въ различныхъ рѣдкостяхъ и цѣнностяхъ. И вотъ, при осмотрѣ каждой комнаты, вмѣсто того, чтобы поражаться несмѣтностью обозрѣваемыхъ сокровищъ, барыня, каждый разъ сокрушенно качая головой, многозначительно произносила: „прі хлібові і всэ добрэ“.... Слыша подобное заявленіе своей госпожи, дворецкій въ концѣ концовъ не выдержалъ и, отвернувшись, невольно улыбнулся. Одна-

ко улыбка была замѣчена проницательной госпожей и, когда было все осмотрѣно, она приказала показать еще разъ ту комнату, гдѣ хранятся наибольшія богатства: деньги, золото и драгоцѣнные камни. Когда вошли въ эту комнату, хозяйка приказала раскрыть всѣ хранилища, а сама моментально вышла изъ комнаты и заперла на ключь въ ней дворецкаго..... Такъ прошло три дня, пока пріѣхалъ помѣщикъ мужъ.

— „Что дѣлаетъ дворецкій, почему забылъ с в о ю обязанность встрѣчать своего господина?“—обратился мужъ къ женѣ.

— „Онъ обладаетъ твоими сокровищами“ послышался отвѣтъ...

Да, хорошая вещь—золото и брилліанты, но только „прі хлібові“—при сытомъ желудкѣ. Хорошо „благодѣтельствовать“ тому благодѣтелю, на котораго работаютъ народныя массы.

Но жалокъ и смѣшонъ можетъ оказаться тотъ властелинъ, среди сокровищъ котораго не окажется хлѣба....

Впрочемъ, много найдется еще и такихъ, которые на это скажутъ: „были бы деньги, а хлѣбъ всегда есть въ булочной“....(?)

2) „Совѣсть“ полицейская (вообще, адми-

нистративная) признается чуткой совѣстью. Эта совѣсть чувствуетъ, напримѣръ, что вы думаете, сколько денегъ въ вашемъ карманѣ и откуда вы ихъ достали.... Чуткость полицейской совѣсти должна конкурировать съ чуткостью безпроволочнаго телеграфа.

И вотъ, при подобной чуткости да грубые нравы обывателей. Я не иронизирую, а говорю въ прямомъ смыслѣ. Отсюда начало субординаціи: въ стремленіи соблюсти хотя бы внѣшній порядокъ ломаются коренные устои внутренней жизни человѣка, а слѣдовательно, и народа, страны, государства. Естественное замѣняется искусственнымъ, но вся бѣда въ томъ, что если естественное плохо, то искусственное еще хуже, уже по одному тому, что самообманъ—плохое утѣшеніе, напримѣръ, искусственные бриллианты, золото, бюстъ женщины, зубы, волосы, любовь, совѣсть, дружба (a la Азефъ-Гартингъ и К⁰) [1]), и проч. Все это будетъ несравненно хуже плохого да натуральнаго.

---

[1]) Самые отвратительные провокаторы, по предательству не уступающіе Іудѣ, обнаружены въ 1909 году, но еще неповѣсившіеся.

Далѣе идутъ совѣсти: іерейская—совѣсть духовно-церковная, смиренная, уступчивая, совѣсть, пережившая всѣ совѣсти, отъ коммерческой до полицейской включительно; совѣсть судейская—сирѣчь „юридическая», нелицепріятная, но и непонятная; совѣсть государственная, это значитъ „дипломатическая“—ври, сколько влѣзетъ, пока сосѣдъ не плюнетъ въ харю... послѣ чего объявляется война во имя спасенія родины отъ новаго „врага“... вы думаете—отъ подобнаго дипломата? нѣтъ,—отъ сосѣда; совѣсть дворянская, называемая „благородной“, признается совѣстью руководящей, т.-е. водитъ за руку, а иногда и за носъ; крестьянская мужицкая, крѣпкая совѣсть, дубовая, единственная, выдержавшая давленіе всѣхъ совѣстей одновременно;.. совѣсть общественная— это значитъ „литературная“, иначе выражаясь— *бумажная совѣсть*: бумага, молъ, все вытерпитъ; совѣсть христіанская, совѣсть басурманская; совѣсть православная, а то—инославная или „еретическая“; совѣсть русская и совѣсть инородческая; совѣсть красногвардейская и совѣсть черносотенная; совѣсть партійная и совѣсть „безпартійная“ и т. д., доходя до самыхъ мелкихъ совѣстей.

какъ наприм., совѣсть палача, провокаторская совѣсть, совѣсть шулера, совѣсть сутенера, публичной женщины, экспропріатора, поѣздошника, и т. д., кончая совѣстью „блюдолиза“ и прочихъ „лизуновъ“... Въ послѣднее время прибавилась еще одна совѣсть, это — совѣсть интендантская (передъ ней и Азефовщина меркнетъ).

А вотъ попробуйте сказать всѣмъ этимъ господамъ со *специальными совѣстями*, что разъ у нихъ совѣсти различны, это значитъ, что настоящей, обыкновенной, единой, общей совѣсти-человѣческой у нихъ то и нѣтъ, вѣдь, пожалуй,—обидятся...

Примѣръ пятый.

Провокація христіанства.

ГЛАВА VII.

Такъ точно и о вѣрѣ: сколько „вѣръ“— не перечтешь... Что же это значитъ? А значитъ то же самое, что съ совѣстью: настоящей то вѣры и нѣтъ ни у кого...

Взамѣнъ вѣры единой, недѣлимой надѣлали массу религій, религіи породили обряды, а обряды уничтожили Бога, т.-е. закрыли ему доступъ въ человѣческія души

или, иначе говоря, уничтожили *дѣйствительную вѣру*.

Возьмемъ для примѣра вѣру христіанскую и разберемся въ ней. Христосъ былъ одинъ, ученіе Его—одно, а „христіанскихъ“ вѣроисповѣданій — масса: римско-католическое, армяно-грегоріанское, лютеранское, протестанское, англиканское, православное, и т. д., и т. д.

— Ну что вы, учители, книжники и фарисеи, скажете на это? Какъ могло воспослѣдовать подобное нелѣпое превращеніе: изъ одного Христа, Любвеобильнаго и Всепрощающаго, получилось нѣсколько „Христовъ“, ненавидящихъ и проклинающихъ другъ друга? Какъ могла непреложная истина замѣниться лжеученіемъ? Какъ могла математическая точность $2\times2=4$ въ своей простотѣ и ясности замѣниться казуистическими вычисленіями $2\times2=5$, 3, 10 и т. д., только не 4? Почему получилась подобная антиматематичность, антихристіанственность? Какъ и почему—я объясню, очень просто: за деньги все возможно.... Трудъ починъ,—его сдѣлалъ Іуда-апостолъ, продавшій того же самаго Христа-единаго, общаго за 30 сребрянниковъ... Почему же другимъ Іу-

дамъ-апостоламъ не устроить настоящую торговлю Христомъ!—И устроили! А чтобы торговля шла успѣшнѣе, бойчѣе, создали законъ, ограждающій предательство истины Христовой. Какъ и въ каждой торговлѣ явилось соревнованіе между Іудами-апостолами. Каждый Іуда открывалъ „свою лавочку“: началось „зазываніе“ въ свою лавочку.... Если „товаръ“ не нравился — навязывали силой.... Іуды-апостолы всѣхъ націй и всѣхъ странъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ торгашей-предателей, въ концѣ концовъ, переругались между собой изъ-за „покупателей“ истины, изъ-за наживы, и провозгласили другъ друга еретиками и служителями... сатаны. И предали другъ друга анафемѣ.....

Это—послѣдователи Христа, проповѣдники Его ученія! хороши ребята, нечего сказать! Это тѣ же книжники и фарисеи, только пережившіе Христа. Его распяли, чтобы самимъ жить. Это тѣ антихристы, которые подорвали не только вѣру во Христа, какъ въ Бого-человѣка, но и уваженіе къ Нему, какъ къ пророку, возвѣстившему величайшую истину, основанную на любви и всепрощеніи.

Наши апостолы -Іуды, унаслѣдовавъ пре-

дательство, провоцировали не только истинное ученіе Христа, но и Его Самого представили вмѣсто всепрощающаго,—мстящимъ, а Бога всемогущаго изобразили въ роли палача, производящаго казни и истязанія, якобы по Божеской правдѣ своей....

Я обращаюсь къ здравому смыслу и спрашиваю: неужели же подобные „проповѣдники“ могутъ быть уважаемы, неужели они служатъ Богу, а не сатанѣ, неужели они и впредь осмѣлятся основывать „святую“ инквизицію, „благословлять“ людей на „брань“, присутствовать при казни, ограничивая свою „апостольскую“ роль „напутствованіемъ осужденнаго“?! Они забыли, что Богъ два раза подтверждалъ одну и ту же основную заповѣдь о своемъ существѣ, о жизни —первый разъ въ Ветхомъ Завѣтѣ чрезъ Моисея: „Не убій“, и второй разъ въ Новомъ Завѣтѣ чрезъ Христа: „Не лишай жизни и малѣйшаго червя“...

Вотъ я и спрашиваю—развѣ можетъ человѣкъ, не исполняющій Божескихъ велѣній, считаться исполнителемъ Его воли?...

„О, горе соблазнителямъ, лучше бы имъ не родиться“.

Дѣйствительно, много горя внесли они,

эти апостолы—предатели, въ жизнь человѣческую, народную.... Прежде всего они угасили въ человѣческой душѣ искру Божію, а потомъ, вмѣсто истиннаго Бога, провозгласили Богомъ золотого тельца, сдѣлали подлогъ: подмѣнили цѣнность.

Какъ это случилось, я объясню ниже, въ шестомъ примѣрѣ, озаглавленномъ „цѣнность“, предварительно же нужно разобраться въ слѣдующемъ вопросѣ: почему христіане считаютъ Христа Бого-человѣкомъ?

— Потому, что Богъ вмѣстился въ Немъ въ той мѣрѣ, которая не оставляетъ мѣста въ человѣкѣ ни для одной части отрицательныхъ проявленій не только моральныхъ, внутреннихъ, но и физическихъ, внѣшнихъ. Христосъ вмѣстилъ въ Себя Бога въ той степени, которая называется *полнотой вѣры*. Чувствуя это, Христосъ говорилъ слѣдующую истину: „Кто имѣетъ вѣру (даже) съ горчичное зерно и скажетъ горѣ сей—сдвинься и ввергнись въ море, то будетъ такъ“. Иначе выражаясь, кто хотя въ малой мѣрѣ въ силахъ осязать въ себѣ присутствіе Бога, тотъ уже сдѣлаетъ все въ предѣлахъ Его умозрѣнія. Съ другой стороны, чтобы имѣть хотя малую часть вѣры, нужно имѣть эту

самую, а не иную вѣру, хотя бы съ горчичное зерно; слѣдовательно, кто не имѣетъ этого зерна вѣры или имѣетъ иную вѣру, тотъ человѣкъ не въ силахъ и приблизительно судить о ней, не зная ея.

Вотъ почему Христосъ, вмѣстившій въ себя Бога человѣкъ, называется Богочеловѣкомъ. Для ясности допустимъ такое сужденіе: если бы Христосъ въ еще большей или меньшей мѣрѣ имѣлъ Божескія начала, то и тогда онъ былъ бы Богочеловѣкомъ, потому что Богъ можетъ вмѣститься въ человѣкѣ, но человѣкъ вмѣститься въ Бога не можетъ никогда, уже потому, что Богъ сотворилъ человѣка, а не человѣкъ Бога. Слѣдовательно, Богъ можетъ отражиться въ любомъ своемъ твореніи, т.-е. быть Богочеловѣкомъ, Богорастеніемъ и т. п., но человѣкъ не въ силахъ отразиться въ Богѣ и быть человѣкобогомъ или человѣкорастеніемъ.

И вотъ Христосъ, вмѣстившій въ Себя Бога-Человѣкъ, непосредственно избралъ 12 апостоловъ, долженствовавшихъ внести въ міръ истину Его ученія...

И что же? Несмотря на непосредственную близость Христа къ апостоламъ, на посто-

лнное воздѣйствіе и личное Его вліяніе на нихъ, одинъ изъ 12—Іуда—предалъ Его.

Апостолъ - предатель — какъ странно и страшно звучитъ сочетаніе этихъ двухъ словъ... Этотъ предатель не повиновался Христу съ самаго начала своего апастольскаго служенія. Такъ напримѣръ, Христосъ требовалъ отъ своихъ апостоловъ, чтобы они ничего у себя не имѣли, никакой имущественной собственности, такъ какъ все, что происходитъ отъ Бога, есть общее, потому что и Богъ есть Богъ общій... Что же, всѣ ли апостолы послушали Его?—Нѣтъ. Первый, кто нарушилъ волю Христа и ослушался, это былъ будущій предатель Его—Іуда; онъ на каждомъ шагу нагло провоцировалъ всѣ желанія Христа. Этотъ первый провокаторъ христіанства ввелъ „братскую кассу“ и, конечно, былъ избранъ первымъ казначеемъ, т.-е. первымъ торгашемъ Христовой Истины. Это былъ въ христіанствѣ первый Антихристъ...

Съ теченіемъ времени среди послѣдователей Іуды провокація принимала чудовищные размѣры. Приведу въ подтвержденіе сказаннаго хотя одинъ примѣръ. Въ эпоху Христа, іудеи по обряду своей религіи при-

носили въ храмъ голубей для жертвоприношенія Богу, вслѣдствіе чего явились эксплоататоры подобнаго обряда и начали производить торгъ голубями. Іудеи, отправляясь въ храмъ, заходили къ этимъ продавцамъ и покупали у нихъ голубей; для болѣе успѣшной торговли продавцы вошли въ сношенія съ церковнослужителями и добились разрѣшенія производить торговлю голубями, предназначенными для жертвоприношеній, непосредственно въ стѣнахъ самого храма. И вотъ Христосъ, изгоняя изъ храма этихъ продавцевъ голубей и опрокидывая ихъ столы съ деньгами, говорилъ, что домъ молитвы—домъ Божій, а потому не подобаетъ его превращать въ вертепъ разбойниковъ.

Слѣдовательно, недостойно въ храмѣ Божьемъ устраивать торжище, хотя бы и предметами жертвоприношеній. Ну, а что сдѣлали провокаторы христіанства, каждый хорошо знаетъ. Дѣйствительно, храмы Божьи превратили въ вертепы. Человѣкъ, входящій въ храмъ чтобы помолиться, у котораго душа рвется къ Богу, человѣкъ, который идетъ за тридевять земель, чтобы, наконецъ, услышать слово Истины и своими глазами узрѣть торжество Ея,—человѣкъ этотъ, кромѣ

звона презрѣннаго металла, ничего не слышитъ, и кромѣ запрещенной Христомъ торговли ничего не видитъ. Горькое чувство ложится на душу такого человѣка. И опять двѣ власти: самое святое чувство, самое искреннее стремленіе къ Богу подавляется властью золота...

Дѣйствительные апостолы, какими были, напримѣръ, Петръ и Павелъ, конечно, были настолько достойными послѣдователями Христа и точными исполнителями Его воли, что не могли сдѣлаться казначеями: они не въ силахъ были промѣнять любовь ко Христу, Его Истину на любовь къ сатанѣ, на служеніе мамонѣ—золотому тельцу...

Были также и кромѣ нихъ многіе дѣйствительные христіане, какъ напримѣръ, преподобный Сергій Радонежскій, который понималъ Истину и не смѣлъ нарушить Ее. Такъ напримѣръ. преподобный Сергій отказывался отъ власти; отказался отъ золотого креста, говоря: „отъ юности своей я не былъ златоносцемъ, въ старости же тѣмъ болѣе хочу пребыть въ нищетѣ“... Чашу-же для совершенія Св. Даровъ имѣлъ деревянную, а не золотую.

Папа Римскій, св. Григорій Двоесловъ ли-

шилъ обряда погребенія инока своей обители, у котораго послѣ смерти оказалось три золотыхъ монеты; св. приказалъ бросить умершаго въ яму вмѣстѣ съ золотыми, сказавъ при этомъ; „деньги твои да идутъ съ тобой на погибель!“

Св. Спиридонъ, еп. Тримифунтскій, оскорбился за предложенное царемъ Констанціемъ, сыномъ Константина Великаго, золото какъ вознагражденіе за исцѣленіе неизлѣчимой болѣзни. Св. сказалъ при этомъ: „Царь! зачѣмъ ты за любовь мою къ тебѣ платишь ненавистью; я домъ свой оставилъ, плылъ къ тебѣ долгое время моремъ, претерпѣвалъ холодъ и бури, и за всѣ эти невзгоды ты предлагаешь мнѣ золото, которое всему злу есть вина и которое великую правду погубляетъ“...

Св. Николай спѣшилъ встать рядомъ съ палачемъ не для того, чтобы напутствовать осужденнаго, а чтобы удержать преступную руку, посягающую на жизнь человѣка, чтобы не нарушить, Божескія заповѣди: „не убій“ и „не лишай жизни и малѣйшаго червя“. Словомъ онъ спѣшилъ исполнить заповѣдь своего Бога: не уничтожать Божьяго проявленія „жизни“ тамъ, гдѣ только отъ него

зависитъ спасеніе ея, даже и въ преступникѣ, даже тамъ, гдѣ сатана дохнулъ той злобой разрушенія, которая называется смертью.

Вотъ вы, читатель, кто бы вы ни былъ, христіанинъ ли, язычникъ, эллинъ или іудей, можете съ ясностью представить, даже не вглядываясь въ жизнь, сколько теперь, чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, когда о личности Христа судятъ лишь по преданіямъ [1]), сколько, говорю, должно расплодиться предателей Христовой правды, провокаторовъ и антихристовъ — апостоловъ, торгующихъ именемъ Христа, отъ Его же якобы имени....

ГЛАВА VIII.

По словамъ апостола Павла тогда же многіе изъ учителей церкви извратили чистоту и смыслъ ученія Христа. Слѣдовательно, не безъ того, что кто-нибудь изъ апостоловъ, хотя въ малой мѣрѣ, сочувствовалъ Іудѣ и помогалъ ему въ устроеніи „казно-

[1]) И то люди такъ мало интересуются чистотой истины, что почему то избѣгаютъ ознакомиться съ личностью Христа, несмотря на переводъ Евангелія на всѣ языки, въ томъ числѣ и на русскій, и на цѣну чуть ли не 5—10 коп. за Евангеліе. Всѣ говорятъ, что знаютъ, а въ дѣйствительности никто не читалъ, а лишь повторяетъ чужія слова какъ будто не имѣетъ своего разума.

хранилища". Такимъ образомъ будемъ справедливы, если признаемъ изъ числа непосредственно избранныхъ Христомъ 12 апостоловъ процентовъ 10 отпавшихъ отъ Христа, т.-е. 10% антихристовъ, предателей, провокаторовъ, еретиковъ—словомъ „апостоловъ", предложенныхъ искушавшимъ Христа Сатаною [1]). Это—10% минимумъ тогда при Немъ, а сколько же этихъ % должно получиться теперь, чрезъ двѣ тысячи лѣтъ!? Вотъ, дѣйствительно, серьезная задача для разрѣшенія ученыхъ математиковъ и богослововъ, а также и каждаго человѣка.

Эта задача вновь представлена на разрѣшеніе человѣческой совѣсти, т.-е. той совѣсти, о которой я говорилъ выше, единой, общей, дѣйствительной, народной, а не спеціальной „совѣсти".

Это категорическій вопросъ, на который категорически должны отвѣтить не только христіане, тѣ первые, настоящіе, единые, безъ наименованій, но и всѣ люди, имѣющіе совѣсть и желающіе почувствовать присутствіе въ себѣ самого Бога.

---

[1]) Для борьбы по праву, равносильнаго по власти и противоположнаго по стремленіямъ.

Въ зависимости отъ рѣшенія этой существеннѣйшей задачи, отъ отвѣта человѣческой совѣсти опредѣлится близость того времени, о которомъ Христосъ говорилъ: „И будете ненавидимы всѣми за Имя Мое“. т.-е. когда за правду будутъ ненавидѣть, потому что предпочтутъ несправедливость, когда правда будетъ „глаза колоть“ всѣмъ, потому что эти глаза будутъ залиты неповинной кровью братьевъ, оставшихся вѣрными Истинѣ.

При рѣшеніи этой великой архи-задачи имѣйте въ виду, что теперь. какъ и тогда, главную роль будетъ играть предатель, какъ представитель сатаны. Я говорю—предатель въ единственномъ числѣ не потому. что онъ будетъ одинъ. нѣтъ,—одинъ сатана, его злая воля, предателей же людей, можетъ быть и есть на самомъ дѣлѣ больше. чѣмъ служителей истины, я же говорю въ смыслѣ предательства вообще,—я здѣсь желаю указать на ту главную существенную особенность, безъ которой нельзя быть предателемъ.

Обратимъ наши взоры на первопредателя Іуду. Для того, чтобы предать Христа, онъ представляетъ доказательства величайшей любви, запечатлѣнной въ поцѣлуѣ; слѣдо-

вательно, поцѣлуй есть внѣшній знакъ любви, а любовь, выраженная внѣшнимъ образомъ—есть предательство, такъ какъ дѣйствительная любовь—сокровенна... Но.... „былъ древній міръ, и Греція и Римъ послѣднее сказали слово“—тогда, когда-то, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, а теперь и Турція и Персія послѣднее сказали слово и соединили съ дѣломъ; а у насъ, напримѣръ, въ Думѣ, кромѣ матернаго слова, самаго перваго, ничего не слышно..... Это отъ народныхъ избранниковъ. Что же при такихъ условіяхъ можно ожидать отъ народа, избравшаго подобныхъ представителей. Конечно, тьма тьмою остается тамъ, гдѣ для свѣта доступа нѣтъ, гдѣ Азефы и Гартинги, какъ сумрачныя тѣни, скользятъ среди кромѣшной тьмы, не выдѣляясь даже цвѣтомъ....

И вотъ, какъ и тогда:--„Между горъ Палестины далекой отгрянуло Слово, и было Оно для міра такъ ново и страхъ наводило на сильныхъ земли“.....—такъ и теперь, какъ отзвукъ могучій, необъятной земли то же самое Слово отгрянуло вновь съ новою силой; вновь человѣческій умъ встрепенулся и душа болѣе чуткою стала.... Двѣ власти

сошлися въ борьбѣ вѣковой съ новой силой проявляя себя и страхъ наводятъ на сильныхъ земли.....

Эти двѣ власти—безграничны, по силѣ равны, противоположны по стремленіямъ; одна власть составляетъ контрастъ для другой; дѣйствія одной вызываютъ на борьбу другую власть; одна власть созидаетъ, другая разрушаетъ, одна власть животворитъ, другая—умерщвляетъ, одна власть—жизнь, другая—смерть; одна—свѣтъ, другая—тьма; одна—любовь, другая—злоба; и т. д. И чѣмъ прекраснѣе будетъ созданіе первой власти, тѣмъ ужаснѣе послѣдуетъ его уничтоженіе; и наоборотъ, чѣмъ ужаснѣе разрушеніе второй власти, тѣмъ прекраснѣе и могущественнѣе послѣдуетъ созиданіе первой..... Какая власть на этотъ разъ побѣдитъ, положительная или отрицательная, покажетъ недалекое будущее.

Примѣръ шестой.

Цѣнность.

ГЛАВА IX.

Дѣйствительную цѣнность для человѣка составляетъ не золото, а жизнь.

Дѣйствительные знаки этой цѣнности составляютъ не деньги различныхъ достоинствъ, а производительныя силы труда и знанія человѣческаго.

Каждый человѣкъ стремится жить и дорожитъ своей жизнью на основаніи законовъ самой природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ самый человѣкъ, самое дорогое для него и необходимое достояніе,—собственную жизнь,—добровольно мѣняетъ на золото, и мѣняетъ для того только, чтобы потомъ, добывши это золото путемъ потери своихъ силъ, здоровья, спокойствія, словомъ, путемъ потери собственной жизни, снова какъ бы купить эту самую жизнь за только что вымѣненное золото. Иначе говоря, человѣкъ теряетъ природныя дѣйствительныя силы для того, чтобы замѣнить ихъ потомъ искусственными.

Зачѣмъ человѣкъ это дѣлаетъ—онъ и самъ не знаетъ; ему тяжела вся эта операція, но онъ, скрѣпя сердце, производитъ ее самъ надъ собой. А въ сущности человѣкъ можетъ обойтись совершенно безъ золота: вѣдь было же время, когда люди обходились совершенно безъ золота, имѣя денежные знаки изъ кожи, напримѣръ, а еще ра-

нѣе вели торговыя сношенія путемъ обмѣна своихъ произведеній.

На это скажутъ: „То было такое время, когда ничего особеннаго не требовалось, когда человѣкъ былъ въ первобытномъ состояніи и могъ довольствоваться и малымъ“. Прекрасно, все это правда. Но если первобытный, совершенно неразвитой человѣкъ могъ и умѣлъ обходиться безъ золота, то почему же человѣкъ просвѣщенный, обладающій колоссально-геніальными познаніями не можетъ, или, правильнѣе сказать, не желаетъ усовершенствовать естественный способъ пользованія своей жизнью, а слѣдовательно, взаимными отношеніями съ подобными себѣ людьми, добывая для себя непосредственно все то, что ему желательно въ зависимости не отъ золота, а отъ собственныхъ силъ, своего труда, знанія, способностей, энергіи и желанія.

Ужъ одна добыча и обработка золота требуетъ такой колоссальной затраты живой человѣческой силы, самой жизни, пока это золото превратится въ денежные знаки, а затѣмъ опять сколько тратится тѣхъ же жизненныхъ силъ, чтобы пріобрѣсти эти денежные знаки и, пріобрѣтя ихъ, опять тра-

тить силы, чтобы обмѣнять на ту же якобы жизнь.

Такимъ образомъ человѣкъ, подчиняя самъ себя давленію золота, впадаетъ въ непростительную ошибку, даже и въ отношеніи другихъ лицъ. Возьмемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ: когда, напримѣръ, путемъ наслѣдства, приданаго за женой, теплаго или хлѣбнаго мѣстечка „по протекціи“, какой-нибудь субъектъ, совершенная бездарность, горькій пьяница, циничный развратникъ или, словомъ, субъектъ, позорящій человѣческій родъ, получаетъ какъ средства къ жизни такое состояніе, добыть каковое путемъ своего труда или знаній онъ совершенно не былъ способенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сколько понадобилось затраты жизненныхъ силъ многихъ десятковъ, а быть можетъ, сотенъ и тысячъ людей для того, чтобы составить капиталъ, попавшій въ руки такого человѣка, котораго, говоря по совѣсти, слѣдовало бы держать на общественномъ государственномъ иждивеніи, т. е. въ психіатрической больницѣ, или въ богадѣльнѣ, или „за рѣшеткой“. Гдѣ же тутъ справедливость? На это могутъ возразить, что наслѣдооставитель, жена и т. д., разъ

„нажили“ извѣстный капиталъ, то значитъ они были способны работать, а потому и въ правѣ отдать свою собственность, кому пожелаютъ.

Но въ этомъ-то вся и ошибка. Человѣкъ вправѣ дать другому лишь то, что непосредственно имъ самимъ сдѣлано, обработано, словомъ то, что онъ непосредственнымъ своимъ знаніемъ и трудомъ добылъ. а не то, что добывалось, обрабатывалось цѣлой массой лицъ, хотя и по собственной его иниціативѣ и за его деньги.

Всѣмъ этимъ онъ можетъ пользоваться только самъ, т. е. пожизненно, а затѣмъ все состояніе должно переходить народу какъ его достояніе, какъ богатство, добытое его производительной силой.

Да и вообще каждый человѣкъ, какъ и все человѣчество, находится лишь въ пожизненномъ владѣніи землей со всѣми угодьями и богатствами въ ней и на ней заключающимися. Это свидѣтельствуютъ міровые законы вселенной. Люди проходятъ безконечной вереницей, смѣняя одно поколѣніе другимъ, а земля не проходитъ и остается на мѣстѣ все та же, поглощая этихъ самыхъ людей. Люди пользуются ею. но пользуются

временно, пожизненно, и никто не можетъ и не вправѣ послѣ срока временнаго своего пользованія, т.-е. послѣ своей смерти, заставлять людей пользоваться тѣмъ, что недобыто ими, или отказываться отъ того, что имъ принадлежитъ...

Человѣкъ имѣетъ право пользоваться чужимъ трудомъ и благами, которыя ему предлагаютъ, т. е. подчиняться волѣ другихъ до тѣхъ поръ, пока не научится самъ работать и добывать себѣ все то, что желаетъ и можетъ добыть. Такъ точно, какъ младенецъ помимо своей воли получаетъ лишь то, что ему дадутъ и положатъ въ ротъ, такъ поступаютъ пока онъ не научится самъ брать и ѣсть, что желаетъ и когда хочетъ.

ГЛАВА X.

Земля представляетъ собою общій столъ пиршества всѣхъ народовъ съ самымъ чуднымъ и дорогимъ убранствомъ, какое можетъ создать лишь природа. Всѣ люди подходятъ каждый съ своей *ложкой* и *тарелкой*, т. е. *знаніемъ* и *трудомъ*—къ этому общему столу, и каждый береть постольку, поскольку ему необходимо съѣсть, чтобы насытиться,

и беретъ тѣ яства—блага жизни. которыя сможетъ достать и поднять своей ложкой и вмѣстить въ свою тарелку... Всѣмъ этимъ человѣкъ имѣетъ право пользоваться до самой своей смерти. Но не вправѣ онъ завѣщать кому бы то ни было не только этотъ общій Божій столъ, но даже свою тарелку и ложку, которыя съ его смертью перестаютъ существовать....

И никто, сидя за общимъ столомъ, не вырываетъ изо рта у одного и не перекладываетъ въ ротъ другого.

Ставши на эту точку зрѣнія, человѣчество совершенно свободно можетъ выбросить золото и вообще всякую матеріальную цѣнность какъ цѣнность, и, признавъ за главную цѣнность собственную жизнь, выработать и ввести во взаимныя жизненныя отношенія такое положеніе, при которомъ каждый человѣкъ могъ бы пользоваться всѣми жизненными благами въ такой степени, какая будетъ доступна его знанію, труду и желанію.

При подобномъ положеніи человѣкъ, получая справедливо заслуженное, сохранитъ въ большей степени собственную жизнь и довольство жизни, т.-е. человѣкъ съэконо-

мить свои духовныя и физическія силы, энергію, жизнерадостность, свободу сознанія въ себѣ человѣческаго достоинства, сдѣлается покойнѣе, добрѣе, разсудительнѣе, правдивѣе и пріятнѣе самъ для себя и для окружающихъ лицъ.

Итакъ, единственную цѣнность для человѣка составляетъ не золото, а собственная жизнь. Человѣкъ и долженъ пріумножать, а не расточать ее. Земля есть общій столъ, предложенный Самимъ Богомъ для общаго пользованія всѣхъ людей, постольку, поскольку живутъ они на свѣтѣ, на этой самой землѣ, и поскольку они въ силахъ пользоваться этой землей въ зависимости отъ ихъ труда и знанія. Это основа справедливости, это законъ природы, это завѣтъ Бога человѣку, это истина христіанскаго ученія, это міровая задача, къ исполненію которой призывается человѣкъ, это альфа и омега человѣческаго совершенства, это единственная цѣль, къ которой стремятся всѣ народы,—цѣль высокая, благая, святая. Поэтому для достиженія этой цѣли нужно избирать пути прямые, быть можетъ, болѣе трудные, но зато свѣтлые, честные, укрѣпляющіе въ человѣкѣ силу воли, вызываю-

щіе творчество мысли. выводящіе человѣка изъ бездны животнаго невѣжества и нравственнаго запустѣнія и возводящіе его на самую высоту человѣческаго величія.

Человѣкъ долженъ преодолѣть всѣ препятствія по пути къ этой великой цѣли, но человѣку, идущему этимъ путемъ совершенно не нужны ни мечъ, ни бомба, ни веревка. Ему нужно весьма немногое—память. Ему—человѣку—нужно имѣть такую память, чтобы онъ въ каждый данный моментъ не забылъ, что онъ—человѣкъ, и что окружающіе его, ему подобные, тоже люди. Если онъ этого никогда не забудетъ, то ему и не придется извлекать меча, метать бомбу или набрасывать петлю, потому что всѣ препятствія къ достиженію высоты человѣческаго величія находятся въ самомъ себѣ... Ихъ человѣкъ свободно можетъ и долженъ устранить.

Общее дѣло должно совершенствоваться общими силами, а потому желательно было бы. чтобы лица, раздѣляющія этотъ взглядъ высказались по данному предмету.

Мнѣ думается что начало въ дѣлѣ усовершенствованія взаимныхъ отношеній должно начаться съ того, что трудящіеся люди

будутъ получать за свой трудъ и свои знанія не деньги, не золото, а натуру, т. е. все то, что потребно для ихъ жизни, и что все это будетъ предоставляться ихъ нанимателями.—

ГЛАВА XI.

Такъ какъ всякая идея объединяетъ людей на почвѣ своего существа, вызывающаго въ человѣкѣ соотвѣтственныя стремленія, то я полагаю, что общее обсужденіе предложеннаго вопроса должно вызвать исключительно лишь подъемъ творчества человѣческой мысли, но ни въ какомъ случаѣ не возбуждать животныхъ инстинктовъ, а это обстоятельство весьма важное, и притомъ желательное и необходимое. При такихъ условіяхъ и возможно сговориться людямъ и достигнуть желаемыхъ результатовъ, не прибѣгая къ бомбамъ, погромамъ и „веревочному галстуху“ *). Это—единственный путь, достойный человѣка, *отличающагося* отъ скота. Поэтому лица, желающія принять участіе въ обмѣнѣ мыслей по данному предмету

*) Выраженіе, употребленное въ Государ. Думѣ депутатомъ.

для созданія нормъ, могущихъ удовлетворить человѣческую жизнь безъ золота, должны прежде всего осудить проявленіе всякаго́ насилія не въ другомъ человѣкѣ, а въ самомъ себѣ, чтобы не словами, а дѣломъ доказать возможность жить, не проявляя насилія надъ личностью другого. Это первое и самое главное, потому что только подобный человѣкъ и можетъ подходить своимъ существомъ подъ существо самой идеи.

Когда настанетъ время, что къ этой идеѣ примкнетъ подавляющее большинство людей, то если даже и не будутъ еще выработаны условія взаимныхъ отношеній, устанавливающихъ способы пользованія жизнью безъ золота, то и тогда золото само-собой потеряетъ свою цѣнность, какъ таковое.

По настоящему вопросу могутъ возразить главнымъ образомъ по существу, скажутъ, что идея, быть можетъ, и прекрасна сама по себѣ, но неосуществима по двумъ главнымъ основаніямъ: 1) какія и въ чемъ будутъ заключаться нормы, опредѣляющія степень труда и знанія, введенныя вмѣсто золота, могущія гарантировать правильныя соотношенія между людьми, и 2) пока

не существуетъ такихъ гарантирующихъ нормъ, признанныхъ всѣми народами, способныхъ упразднить золото, до тѣхъ поръ никто не рискнетъ выбросить то, что имѣетъ.

Но подобныя соображенія будутъ несущественны въ данномъ вопросѣ, и вотъ почему. Этихъ нормъ нѣтъ, и каждый можетъ не только не отказываться отъ золота, но даже пріумножать его. Все это не можетъ повліять на возможность объединенія лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью примѣнить подобную идею въ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что по человѣческой психологіи всякая новая идея, какъ и всякая мода, легко прививается между людьми въ томъ только случаѣ, если она не вырываетъ у нихъ тѣхъ жизненныхъ благъ или привычекъ, съ которыми человѣкъ сроднился.

Резюмируя подобный выводъ, можно выразиться такъ: на *новое* пойдутъ, а отъ *стараго* не откажутся. Въ данномъ случаѣ и предлагается только новое, безъ посягательства на старое. Иначе это было бы насиліемъ, уничтожающимъ самую идею. Вѣдь прежде, чѣмъ человѣкъ рѣшится на что нибудь новое, онъ долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что это для него полезно.

Тогда только онъ начинаетъ искать способы достиженія намѣченной цѣли.

Вотъ почему я прежде всего предлагаю объединяться лицамъ, раздѣляющимъ этотъ взглядъ, такъ сказать на принципіальной почвѣ. Цѣль этого объединенія—обмѣнъ мыслей и мнѣній по данному вопросу, при чемъ для этого не требуется никакого спеціальнаго „союза“, никакихъ „собраній“. Обмѣнъ мыслей между лицами, раздѣляющими предлагаемую идею, долженъ производиться посредствомъ печати. И если, что допустимо и даже желательно, такъ это спеціальная для этой цѣли своя газета. Степень распространенія подобной газеты служила бы показателемъ числа лицъ, раздѣляющихъ эти взгляды.

Подобный способъ распространенія предлагаемой идеи, какъ способъ не насильственный, ни у кого ничего не отнимаетъ, и, осуждая всякое посягательство на свободную волю человѣка, даетъ въ то же время возможность каждому человѣку, ищущему справедливости и правды въ нашемъ мірѣ, исповѣдывать свои добрыя стремленія открыто, безъ боязни и страха за ихъ судьбу и за судьбу собственную.

Этотъ непартійный способъ проведенія предложенной идеи устраняетъ всевозможныя интриги, непремѣнныя спутницы всякихъ партій и союзовъ, утвержденныхъ и подпольныхъ. Каждому человѣку, раздѣляющему этотъ взглядъ, а слѣдовательно, примыкающему къ людямъ, желающимъ осуществить эту идею, совершенно неважно знать, кто именно его сторонники, главный интересъ въ томъ, чтобы ихъ было больше.

По мѣрѣ того, какъ эта идея будетъ пріобрѣтать большее число сторонниковъ въ общей массѣ людей, соотвѣтственно этому и будетъ ощущаться большее стремленіе къ скорѣйшему реальному примѣненію ее въ жизни. Такъ же точно, когда эта идея явится уже не только идеей въ смыслѣ предположенія, а станетъ дѣйствительной потребностью жизни, такъ точно, говорю, почувствуется этой общей массой людей отвращеніе къ золоту.

Тогда для людей будетъ непонятно, прискорбно и обидно то поклоненіе золотому тельцу, каторое было допущено людьми и продолжалось тысячелѣтія. Тогда всѣ народы, а въ особенности христіанскіе, придутъ въ ужасъ и отчаяніе, что они въ

дѣйствительности были самыми настоящими идолопоклонниками и притомъ не вслѣдствіе невѣжества, а наоборотъ вслѣдствіе просвѣщенія. Выражаясь правильнѣе, эти люди сознаютъ, что они *завѣдомо* утвердили себя въ идолопоклонствѣ, при чемъ дошли до самыхъ унизительныхъ для человѣка проявленій идолопоклонства. Они не сдѣлали одного общаго золотого тельца для поклоненія, нѣтъ, они расчленили его на самыя мелкія части, и эти золотыя части замѣнили и серебряными, и мѣдными и даже бумажными, и, провозгласивъ его богомъ, поклонились ему и приносили въ жертву другъ друга, собственныхъ дѣтей и даже полагали за него свою жизнь.

Тогда люди будутъ испытывать къ золоту, какъ цѣнности, такое же чувство, какое испытываютъ люди къ имѣющимся у нихъ вышедшимъ изъ обращенія государственнымъ кредитнымъ билетамъ, утратившимъ срокъ для обмѣна.

ГЛАВА XII.

Современники должны стремиться исключительно къ разрѣшенію этой міровой за-

дачи, но не для себя. а для слѣдующихъ поколѣній, въ противномъ случаѣ они и сами не получатъ возможности пользоваться жизнью, какъ надлежитъ человѣку, а не скоту, и у грядущаго поколѣнія вырвутъ эту возможность.

Это—психологическая аксіома. Тотъ психологическій процессъ, который совершается у предшествующаго поколѣнія, не долженъ имѣть мѣста или оставаться въ поколѣніи грядущемъ. Новое поколѣніе должно выйти обновленнымъ не внѣшне, а внутренне, т.-е. духовно обновленнымъ, такимъ, чтобы въ его душѣ, въ его натурѣ, сознаніи и стремленіяхъ не было бы и закваски прошлаго. Новые люди должны составлять продуктъ *слѣдствія*, а не *причины* того психологическаго процесса, который совершался у предшествовавшихъ людей.

То животное чувство борьбы, якобы за существованіе, тѣ терзанія собственной совѣсти за творимую неправду, ту свою вѣру идолопоклонства золотому тельцу, тотъ весь зудъ физическаго и нравственнаго разврата, словомъ всю унизительную пошлость своей натуры современники обязаны унести съ собой въ свою могилу. Всего этого но-

вое поколѣніе не должно обнаруживать въ своемъ наслѣдствѣ. Горе завѣщателямъ, передающимъ подобную мерзость,—„лучше бы имъ не родиться“. Великое несчастіе человѣка еще въ томъ, что онъ заботится не о другихъ, а исключительно о самомъ себѣ, о своемъ животномъ существѣ. Каждый стремится получить все для себя лично отъ другихъ и притомъ сейчасъ же, немедленно. Если такому человѣку сказать, что онъ получитъ все, что желаетъ, но только не сейчасъ, а чрезъ болѣе долгій промежутокъ времени, то онъ расхохочется или прійдетъ въ неистовство и, выругавшись крѣпкимъ словомъ, откажется отъ всего.

Какъ на примѣръ такого психоза можно указать на первую Государственную Думу. Несмотря на то, что она состояла изъ самаго лучшаго цвѣта Государства Россійскаго, она все-таки не избавилась отъ подобнаго психическаго дефекта. Она потребовала осуществленія всѣхъ реформъ и свободъ сразу, одновременно и притомъ съ условіемъ, чтобы всѣ эти требованія были бы приведены въ исполненіе немедленно, сейчасъ же. Представляя собою какъ бы цѣлое поколѣніе, она въ то же время находила

возможнымъ одновременно и въ старомъ—умереть и въ новомъ—родиться. Дѣйствительно, оно такъ и вышло, только въ переносномъ смыслѣ: „Дума мертва, но да здравствуетъ (живетъ) Дума“ *).

Конечно, Государственная Дума, какъ представительница цѣлаго поколѣнія своего народа не можетъ замѣнить собою этого цѣлаго поколѣнія, да и невозможно вмѣститься тому общему психологическому процессу, совершающемуся въ цѣломъ поколѣніи людей, въ горсточку лицъ. Но все же если бы 1-я Государственная Дума, хотя и предъявила всѣ требованія разомъ, но согласилась бы вводить ихъ постепенно, послѣдовательно одно за другимъ, то она несомнѣнно скорѣе достигла бы положительныхъ результатовъ. Народъ въ подобномъ случаѣ являлся какъ бы грядущимъ поколѣніемъ по отношенію къ своей представительницѣ Думѣ. Пока онъ воспринималь бы самую идею обновленія государственнаго строя, въ это время Дума вырабатывала

---

*) Слова, произнесенные Англ. Министр. Бальфуромъ послѣ роспуска 1-й Гос. Думы.

бы самыя нормы, долженствующія воплотить эту самую идею въ жизнь.

Такимъ образомъ, постепенно народъ могъ бы вмѣстить по частямъ то, что въ цѣломъ для него невмѣстимо....

ГЛАВА XIII.

Человѣку, пользующемуся готовыми благами, легко и пріятно, создающему же эти блага весьма трудно и безпокойно. Блага эти, какъ сказано въ началѣ, есть самая жизнь, справедливо удовлетворенная. До сихъ поръ человѣчество не имѣло подобной удовлетворенной жизни и никогда ея не будетъ имѣть, если по прежнему станетъ продолжать заботу о себѣ, а не о своихъ потомкахъ.

Соединитесь же всѣ люди, какъ братья, для совмѣстной доброй работы. Пусть эта работа установитъ такія жизненныя нормы, справедливость которыхъ не могла бы вызывать у грядущаго поколѣнія то чувство неудовлетворенности жизнью, то чувство несправедливости взаимныхъ отношеній, которыя испытываютъ теперь всѣ люди, кто бы они ни были.

Тотъ, кто не пожелаетъ измѣнить свои дѣла, свои привычки, свои убѣжденія, тотъ пусть и не измѣняетъ ихъ, но только онъ долженъ оставить ихъ самъ для себя, а онъ не долженъ препятствовать въ томъ другому, и это уже будетъ многое съ его стороны.

Кто же можетъ добровольно по своему глубокому убѣжденію пересоздать себя на дѣлѣ, соотвѣтственно предлагаемой точкѣ зрѣнія, тотъ человѣкъ тѣмъ самымъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ требуется отъ него теперь, потому что главная задача состоитъ въ томъ, чтобы, ни у кого ничего не отнимая и никого не избивая, выработать такія нормы, гарантирующія трудъ и знаніе человѣка, при которыхъ не требовалось бы ни золота, ни другой какой цѣнности, какъ таковой, кромѣ самого труда и знанія, не убивающихъ жизненныя силы, а наоборотъ, укрѣпляющихъ ихъ. Эти *силы обновленнаго духа и уничтожатъ рабство золотого тельца.*

Примѣръ седьмой.

Рабство золотого тельца.

ГЛАВА XIV.

Безпрерывно томятся народы
Въ душной тюрьмѣ міровой,

И томятся вѣка, а не годы,
Въ царствѣ рабства, лишенномъ свободы,
Въ омутѣ тьмы вѣковой.
Въ той жизни, заклейменной позоромъ,
Ни правды нѣтъ, ни любви...
Если-жъ шире окинемъ мы взоромъ
Эту жизнь за тюремнымъ заборомъ,
Взоръ нашъ утонетъ въ крови.
Царь въ этомъ царствѣ—телецъ золотой.
Всѣхъ отъ рожденья слѣпитъ
И держитъ потомъ въ тюрьмѣ міровой,
Голодомъ мучитъ, гнететъ ихъ тоской,
Завистью, злобой даритъ.
Съ трепетомъ рабскимъ мильоны слѣпыхъ
Падаютъ ницъ передъ нимъ
И въ жертву приносятъ братьевъ своихъ
Тамъ. у предверья чертоговъ златыхъ,
Жертвуя самымъ святымъ.
А онъ—этотъ царь—властитель рабовъ
Гордо на тронѣ сидитъ
И новые виды разныхъ оковъ
Для вновь ослѣпленныхъ рабства сыновъ
Съ тонкостью адской творитъ.
Чу! Вновь слышатся стоны, смятенье!
Братья слѣпые встаютъ...
Бродятъ во мракѣ... ищутъ спасенья,
Выходъ изъ рабства, путь обновленья,

„Славу“ *свободѣ* поютъ....
Поскорѣе жъ спѣшите, слѣпые,
Свергнуть златого тельца.
Но храните въ борьбѣ съ нимъ, родные.
Твердость духа, стремленья святыя,
Силу любви до конца!..

Примѣръ восьмой.

Сатана.

ГЛАВА XV.

Теперь, по ознакомленіи съ вышеизложенными соображеніями дѣлаются до нѣкоторой степени понятны и объяснимы тѣ противорѣчія въ нашей жизни, которыя вызываютъ общее и безпрерывное страданіе народовъ и каждаго человѣка въ отдѣльности.

Но чтобы освѣтить еще невыясненное и досказать недосказанное, я долженъ предложить ознакомиться съ личностью второй, отрицательной, власти, именуемой сатаною. Само собою разумѣется, что о рогахъ и хвостѣ, якобы имѣющихся у сатаны, не можетъ быть и рѣчи. Сатана такъ же, какъ и

Богъ внѣ предѣловъ и внѣ формъ, онъ также—вѣчность, также безначаленъ, а слѣдовательно, и безпредѣленъ; онъ также вездѣсущій и всенаполняющій, но только онъ не созидающій и не животворящій, а всеразрушающій и всеумертвляющій, потому что всененавидящій. Онъ также отражается и во всей вселенной и въ человѣкѣ, какъ и Богъ; вотъ почему несовершенны ни природа, ни человѣкъ, вотъ почему Богъ и сатана, пребывая въ одной и той же вѣчности, вызываютъ въ одно и то же время и жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть, словомъ, положительныя и отрицательныя начала и проявленія, какъ во всей природѣ вообще, такъ, въ частности, въ человѣческой жизни; словомъ, вызываютъ изъ небытія собственной воли и отражаютъ для проявленія во всемъ мірѣ то, что сами представляютъ или заключаютъ въ себѣ...

Вотъ почему люди, имѣющіе потребность любить, прощать, терпѣть, благословлять и созидать, именуются сынами Божіими и воинами Христовыми, ибо подобнаго рода нравственная потребность есть не что иное, какъ присутствіе Бога въ человѣкѣ, отраженіе Божескихъ началъ, и если человѣкъ

знаетъ это, т. е. ощущаетъ исключительно подобную потребность, то онъ и чувствуетъ ту силу, которая называется „вѣрой, творящей чудеса“, такъ какъ въ немъ пребываетъ Богъ. А такъ же тѣ люди, которые питаютъ въ душѣ своей злобу, ненависть, зависть, потребность разрушать, уничтожать, именуются слугами сатаны и исчадіями ада, т. е. сынами вѣчно озлобленнаго духа, потому что признаки подобныхъ стремленій знаменуютъ присутствіе въ человѣкѣ второй, отрицательной, власти, именуемой сатаною, и человѣкъ тотъ, зная это, еще въ большей степени испытываетъ терзанія озлобленнаго духа и страданія собственной души, такъ какъ власть злобы и всеразрушенія наполнила собой все существо человѣка, не оставивъ мѣста и для горчичнаго зерна вѣры.

Таково дѣйствительное положеніе, при которомъ возникаютъ всѣ начала, и добрыя и злыя, и положительныя и отрицательныя.

Человѣкъ въ сферѣ дѣйствія этихъ двухъ властей является самодѣйствующимъ аппаратомъ *), могущимъ по своему желанію вос-

---

*) Смотрѣть „Борьба“ Темнаго, Стр.—49.

принимать вліяніе той или другой власти, въ большей или меньшей степени, на основаніи природы, какъ нейтральнаго разума.

Наши апостолы-предатели, какъ слуги сатаны, позаботились скрыть истинныя проявленія не только положительной власти—Бога, но и отрицательной власти—сатаны. Такъ напримѣръ, эти провокаторы истины объявили народу, что Богъ самъ сотворилъ сатану и всѣ, исходящія отъ него, отрицательныя начала, для того, чтобы людямъ были понятны положительныя начала, т. е.—Онъ, Богъ. Словомъ, Богъ ввелъ несчастія и страданія для того, чтобы дать представленіе о радости и счастіи, т. е. такое объясненіе, которое при дѣйствительномъ положеніи двухъ властей разбивается само собою.

Затѣмъ внушили народу, что сатана посылаетъ чертей для искушенія людей и что искушенія эти вызываются внушеніями злого духа, морально или превращеніемъ послѣдняго въ какой-либо предметъ или образъ. Но что и въ первомъ и во второмъ случаѣ чертъ дѣйствуетъ какъ бы на извѣстномъ разстояніи отъ искушаемаго, не смѣя приблизиться вплотную къ человѣку,

въ особенности къ христіанину, а къ православному такъ и говорить нечего: отъ православнаго чертъ бѣжитъ, какъ отъ заразы, и лишь издали можетъ совершать извѣстныя манипуляціи искушеній. Конечно, подобное объясненіе явно провокаторское, потому что оно именно, а не что другое, и служитъ способомъ „уловленія въ сѣти дьявола“...

Дѣло въ томъ, что искушаемый сатаною человѣкъ не огражденъ отъ него никакой дистанціей, разъ онъ чувствуетъ искушеніе, потому что для того, чтобы могло явиться искушеніе, сатана долженъ войти въ извѣстной мѣрѣ (т. е. отразиться) въ человѣка, непосредственно искушаемаго, или въ другого человѣка, служащаго предметомъ искушенія. Искушеніе—это значитъ воздѣйствіе; этому воздѣйствію человѣкъ можетъ подчиниться или противостать, оказать сопротивленіе. Процессъ искушенія напоминаетъ дѣйствіе электрическаго звонка: иногда звонокъ звонитъ „самъ собою“, это значитъ, что хотя кнопку никто не нажимаетъ извнѣ, но положительный и отрицательный элементы соединились, вслѣдствіе чего и послѣдовалъ результатъ

соединенія, искушенія, извѣстныя послѣдствія.

Второе положеніе, когда кто-либо (искуситель) оказываетъ воздѣйствіе на кнопку (предметъ искушенія), но звонокъ не дѣйствуетъ (искушаемый не воспринимаетъ искушенія). Это значитъ, что между элементами нѣтъ связи.

Итакъ, чтобы сатана могъ искусить человѣка, онъ долженъ или войти въ искушаемаго, допустимъ, мужчину, или въ предметъ, служащій искушеніемъ, допустимъ, женщину. Въ первомъ случаѣ мужчина, будучи одержимъ „бѣсомъ“, т. е. страстью, будетъ всячески стараться соблазнить женщину, вызвать процессъ паденія, прибѣгая ко всѣмъ пагубнымъ (бѣсовскимъ) ухищреніямъ, и женщина можетъ искуситься не иначе, какъ допустивъ или воспринявъ въ себя отраженіе сатаны, соединившись съ нимъ, какъ духомъ всеразрушенія, или же можетъ остаться непреклонна, оказать сопротивленіе, закрыть доступъ отрицательной власти въ свое существо (душу), занимаемое положительною властью.

Во второмъ случаѣ сатана, желая искусить того самаго мужчину, входитъ въ

очаровательную женщину, какъ средство искушенія, и производитъ аттаку на свою новую жертву со всей тонкостью, вмѣстимой лишь въ женщину по ея природѣ, по ея натурѣ. Но и здѣсь искушеніе можетъ быть недостигнуто, аттака дьявольская можетъ быть отбита, несмотря на всѣ прелести женщины, на всѣ сулимыя сознаніемъ блаженства, воспринимаемыя плотью.

И такъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни.

Примѣръ девятый.

Безправіе—по праву.

ГЛАВА XVI.

Не препятствуйте каждому быть тѣмъ, чѣмъ онъ въ состояніи быть. Знайте, что насиліе есть сила разрушенія, а не творчества; насиліемъ ума не прибавишь. Поэтому пусть каждый человѣкъ будетъ тѣмъ, кѣмъ желаетъ быть. Тогда разбойникъ будетъ разбойникомъ, но на своемъ мѣстѣ, а не на общественной или государственной службѣ; тогда отъ разбойника, остающагося на своемъ мѣстѣ, возможно будетъ защититься и избѣг-

нуть его злой воли, а отъ разбойника, облекшагося въ доспѣхи законной власти или общественнаго довѣрія, немыслимо ни защититься ни избѣжать дѣйствія его кровожадныхъ инстиктовъ, и только потому, что онъ не на своемъ мѣстѣ и что вслѣдствіе этого нельзя знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

Тогда будетъ каждый человѣкъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть по своей природѣ, на что онъ способенъ, къ чему стремится его душа. Тогда не сможетъ быть благотворителемъ—воръ, администраторомъ—разбойникъ, судьей — преступникъ, чиновникомъ — взяточникъ, проповѣдникомъ—бездарность, ученымъ—дуракъ. Тогда взамѣнъ сословій и кастъ, т. е. взамѣнъ насильственнаго служенія, получится справедливое соотношеніе между людьми, основанное на естественномъ свободномъ проявленіи силъ и знаній, данныхъ природой человѣку. Тогда, скажемъ, въ моряки пойдетъ, дѣйствительно, морякъ, т. е. такой человѣкъ, котораго будетъ манить самое море своимъ таинственнымъ могучимъ просторомъ, а не „служебныя соображенія“. Тогда въ проповѣдники пойдутъ люди, имѣющіе даръ божественнаго огня, дабы ради призыва истины сказать вдохно-

венное Божье слово, обличающее всякое зло и несправедливость, въ комъ бы таковыя не проявлялись; даже въ самомъ себѣ; это будетъ проповѣдникъ по призванію, а не по службѣ. Тогда, чтобы быть священникомъ, недостаточно будетъ быть сыномъ священника или художникомъ, потому что онъ сынъ художника, или поэтомъ, потому что онъ сынъ поэта, или пророкомъ, потому что онъ сынъ пророка. Такъ точно, какъ теперь нельзя быть профессоромъ, только потому, что желающій—сынъ профессора. И не только служенія, требующія вдохновенія, Божьяго огня, но даже и чисто умственныя и техническія служенія не могутъ быть наслѣдственными, т. е. насильственными, какъ напримѣръ, для того. чтобы быть сапожникомъ, земледѣльцемъ и т. п. недостаточно быть сыномъ этихъ лицъ.

Если сдѣлать перечень существующихъ случаевъ, когда человѣкъ находится не на своемъ мѣстѣ, то, пожалуй, не хватитъ и бумаги. Поэтому возьмемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, допустимъ, интендантство. Пусть будетъ оно „козломъ отпущенія“ за вину всѣхъ. Конечно, и въ интендантствѣ даже нашлись „дураки“ (какъ гласитъ от-

четъ по ревизіи сенатора Гарина), т. е. нашлись честные люди, въ душѣ которыхъ не угасла искра Божьяго огня...

Но да будетъ оно, интендантство, служить вызовомъ со стороны разрушающей власти, пусть на него отвѣтитъ Богъ всемогуществомъ своего обновленія...

Интенданты грабятъ казну, какъ силы государства; грабятъ солдатъ. которыхъ убиваютъ; грабятъ крестьянъ, которыхъ разоряютъ; грабятъ честь гражданъ, которыхъ представляютъ; грабятъ достоинство государства, которому служатъ; умаляютъ законы и Божескіе и человѣческіе, провоцируя волю законодателей; словомъ, предательствуютъ. По какому же праву все это совершается, для кого и ради чего?—Все это дѣлается по праву безправія, т. е. по праву Сатаны и для Сатаны,—дѣлается для золота и ради золота,—для всеразрушенія и ради разрушенія. Что же это значитъ, какъ все это могло случиться? Вѣдь интенданты прекраснѣйшіе люди, и въ кругу знакомыхъ или за бутылкой добраго вина, или въ великоторжественныхъ случаяхъ, или когда спятъ, они такіе же, какъ и всѣ остальные люди. А случилось это просто:

Сатана сплелъ сѣти изъ предметовъ своего существа: золота, разврата и пьянства, прикрывъ ихъ всемогуществомъ своей всеразрушающей власти, и уловилъ въ эти сѣти весь міръ царей, рабовъ, ученыхъ, умныхъ и глупцовъ, апостоловъ и борцовъ за правду,—а не только интендантовъ...

Вотъ почему интенданты въ данномъ случаѣ представляютъ ничтожество, нѣчто вродѣ государственнаго отброса: насколько отвратительно, настолько и зловонно.

Вотъ теперь и посудите, въ чемъ заключаются дьявольскія сѣти, въ томъ ли „ухищреніи“, про которое весьма туманно говорятъ апостолы-предатели, боясь сдернуть свою маску, обнаружить себя, свое лукавство, или въ той истинѣ, которая съ такой рельефностью стала очевидна для каждаго человѣка. Поэтому не удивляйтесь ничему, что бы ни случилось. Послѣ того, какъ народъ побивалъ и до сихъ поръ побиваетъ своихъ пророковъ, не признавая ихъ въ своемъ отечествѣ, какое же удивленіе можетъ быть болѣе поразительнымъ.

Золото есть знаменіе власти отрицательной и оно такъ же таинственно, какъ и Истина, потому, что какъ то, такъ и другое не

разлагается на составныя части. Можно чувствовать, сознавать непреложность Истины, но опредѣлить составъ частей, назвавъ ту часть какимъ либо словомъ. скажемъ, правдой—нельзя: такъ напр. то, что Христосъ былъ распятъ, это—правда, но не истина. Когда человѣкъ убьетъ человѣка это будетъ правда, но—не истина. Итакъ, истина не разлагается на составныя части потому. что она не имѣетъ ихъ: она есть знаменіе Бога, Его составная часть. И все что не истина, то—грѣхъ, то—составная часть соблазна. Такъ и золото не разлагается, потому что оно составляетъ печать Сатаны, знаменіе его власти... И все, что не золото, то мишура, симуляція, составная часть...

Мѣсто рожденія золота—земля, есть въ то же время колыбель и кормилица всѣхъ людей и всѣхъ тварей. Слѣдовательно, любовь и ненависть царятъ въ равной степени и на землѣ, какъ и на небѣ, и чѣмъ сильнѣе будутъ напрягаться въ борьбѣ силы двухъ противоположныхъ властей, тѣмъ рѣзче отразятся не только въ человѣкѣ, но и во всей природѣ, во всей вселенной степень и значеніе этой борьбы. Съ каждымъ

новымъ порывомъ той или другой власти все сильнѣе и рельефнѣе будутъ выражаться непримиримость и противоположность ихъ стремленій. Такъ какъ при подобномъ воззрѣніи міръ составляетъ точку опоры для раздѣленія двухъ началъ, а природа представляетъ нейтральный разумъ, то съ каждымъ новымъ явленіемъ, физическимъ и моральнымъ, будь то случится въ человѣческой жизни или въ самой природѣ, будетъ становиться все сумрачнѣе, все тяжелѣе, и природа человѣка и всей вселенной измѣнится и выйдетъ изъ предѣловъ равновѣсія. Тогда поколеблятся всѣ устои вещественные, умственные и нравственные, и разрѣшится та борьба вѣковая въ тотъ часъ и отдѣлятся обѣ власти одна отъ другой и не будутъ болѣе оказывать взаимодѣйствія...

Тогда настанетъ въ природѣ совершенство и законченность, выраженная въ той красотѣ предметовъ и явленій, которая отдѣлится отъ разрушенія и смерти, отъ вѣчныхъ страданій.

Совершится же это тогда, когда хотя одинъ человѣкъ постигнетъ тайну; но не потому что человѣкъ постигнетъ, а потому что каждое начало возвратится само въ себя

или, иначе говоря, отдѣлится одно отъ другого, борьба прекратится, давленіе исчезнетъ и получится ясность.

Примѣръ десятый.

Глупѣйшее среди существъ.

ГЛАВА XVII.

О томъ, что человѣкъ есть вѣнецъ творенія, царь природы и тому подобное возвышенное и могучее существо, такъ много говорилось и говорится, что прибавлять что-либо еще совершенно излишне. тѣмъ болѣе, что человѣкъ настолько убѣжденъ въ могуществѣ своего ума, что даже выработанная имъ система устроенія собственной жизни не убѣждаетъ его въ противномъ...

Здѣсь я хочу и высказать и доказать совершенно обратное положеніе, а именно, что человѣкъ есть самое глупѣйшее существо между всѣми тварями.

Прежде всего человѣкъ доказываетъ непроходимую глупость тѣмъ, что считаетъ себя умнѣйшимъ среди всѣхъ животныхъ, причемъ никто иной, какъ самъ увѣряетъ се-

бя въ этомъ, не хуже, чѣмъ царь персидскій, увѣряющій всѣхъ и самого себя въ томъ, что онъ—царь царей...

Вторымъ доказательствомъ глупости служитъ любой изъ моментовъ человѣческаго возраста: въ каждый періодъ своего возраста человѣкъ убѣжденъ, что онъ умнѣе, чѣмъ былъ ранѣе, когда былъ моложе. Это онъ сознаетъ съ великой ясностью, какъ и то обстоятельство, что окружающіе, особенно близкіе ему люди, чѣмъ больше живутъ на свѣтѣ, тѣмъ болѣе глупѣютъ, и что въ концѣ концовъ окончательно выживаютъ изъ ума. Подобная увѣренность испытывается всѣми людьми по отношенію къ себѣ и другъ другу.

Скажите, развѣ это обстоятельство не доказывается свидѣтельствомъ этихъ самыхъ людей и при томъ свидѣтельствомъ вполнѣ сознательнымъ, что глупѣе ихъ никого быть не можетъ?..

Это доказательство, такъ сказать, „розничное“, доказательство каждаго отдѣльнаго человѣка. Но есть доказательства и „оптовыя“; это—свидѣтельства цѣлыхъ эпохъ и цѣлыхъ народовъ. Такъ, допустимъ, то, что 50 лѣтъ назадъ признавалось идіотиз-

момъ, то теперь признается геніальностью, и обратно. И это, замѣтьте, не только въ обыденной жизни или въ педагогикѣ, но и въ наукѣ.

Такъ какъ глупость человѣческая доказывается отрицательной властью, какъ сказано въ предисловіи, то я приведу нѣсколько примѣровъ этой глупости, чтобы можно было судить о контрастѣ того всемогущества, которое человѣкъ себѣ приписываетъ.

Когда мы посмотримъ на человѣка съ этой стороны. то дѣйствительно глупѣе и притомъ подлѣе человѣка нѣтъ ни одной твари. То, что дѣлаетъ человѣкъ—слишкомъ слабое подражаніе остальнымъ животнымъ. Человѣкъ гордится строительнымъ искусствомъ, техникой, гигіеной, гуманностью, медициной и научными знаніями, и доказываетъ лишь величайшую глупость въ отношеніи прочихъ тварей...

Вы посмотрите, какъ строятъ свои дома (гнѣзда) птицы, насѣкомыя и звѣри. Пусть попробуетъ человѣкъ сдѣлать что—либо подобное, скажемъ, гнѣздо ремиза, муравья или бобра. Скажу болѣе того, человѣкъ не только ничего подобнаго не сможетъ сдѣлать, но даже и своего собственнаго гнѣзда

„путемъ“ не выведетъ: онъ такъ его смастеритъ, что или оно развалится или самъ человѣкъ будетъ въ немъ задыхаться и гнить отъ сырости и т. п. несовершенства въ строительствѣ и гигіенѣ.

Далѣе, пускай любой химикъ попробуетъ добыть, скажемъ изъ липоваго цвѣтка такой медъ, какой добываетъ пчела. Затѣмъ еще: человѣкъ для того, чтобы переправиться черезъ моря или пустынныя страны долженъ имѣть и судно, и компасъ, и карты и кромѣ этого, нѣсколько лѣтъ употребить на предварительное изученіе соотвѣтствующихъ наукъ, и при всѣхъ этихъ данныхъ не всегда достигаетъ намѣченной цѣли... А птицы ничего подобнаго не имѣютъ и всегда вовремя прилетаютъ въ тѣ страны, куда летятъ.

Обратите также вниманіе на чистоплотность дикихъ птицъ и звѣрей, и вы, дѣйствительно, залюбуетесь ихъ чистотой, красотой и свѣжестью (конечно, кромѣ домашнихъ, т. е. порабощенныхъ человѣкомъ животныхъ, которыя болѣе напоминаютъ человѣка своей антигигіеничностью и подавленнымъ видомъ).

Мы изучили гигіену, медицину и гніемъ

въ зловонной заразѣ. Посмотрите на остальныхъ животныхъ, опять-таки дикихъ, т. е. совершенно свободныхъ,—есть ли у нихъ больные и зараженные, подобно намъ экземпляры, съ идіотскимъ, тупымъ выраженіемъ и угловато-тупоумными движеніями?

Люди говорятъ, что всѣ животныя имѣютъ инстинктъ взамѣнъ человѣческаго разума, но мнѣ думается, что на дѣлѣ сильнѣе, благороднѣе и геніальнѣе животный инстинктъ, чѣмъ подобный человѣческій умъ. Къ тому же я полагаю, что разъ человѣкъ будетъ придерживаться прежнихъ убѣжденій, что онъ—властелинъ и чуть ли не Богъ, то и инстинктъ долженъ быть у него сильнѣе инстинкта животнаго, именно такой, который бы соотвѣтствовалъ царственной власти человѣка среди окружающихъ животныхъ, такъ какъ человѣкъ есть хотя возвышенное и благороднѣйшее, но все-же животное. Но разъ этого нѣтъ, или если и есть, да человѣкъ неспособенъ его примѣнить, и не умѣетъ имъ пользоваться, значитъ человѣкъ не только глупъ, но и глупѣйшій среди глупыхъ. Къ тому же не просто кровожаднѣйшій, а дико, идіотски кровожаднѣйшій звѣрь.

Къ этому всему слѣдуетъ добавить еще

одно весьма важное обстоятельство. Всѣ твари на дѣлѣ доказали, что онѣ умнѣе насъ, людей, еще и потому, что точнѣе насъ понимаютъ законы и своей природы и существа двухъ властей. Они, зная предѣлъ своего возраста, сохраняютъ его въ полной мѣрѣ, вслѣдствіе чего продолжаютъ пользоваться одной и той же долговѣчностью, а мы, люди, какъ глупѣйшіе среди нихъ, не только съ каждымъ столѣтіемъ или десятилѣтіемъ, но даже съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ и съ каждой минутой уменьшаемъ срокъ своей жизни...

ГЛАВА XVIII.

Затѣмъ, скажите, видѣлъ ли кто такихъ животныхъ, даже самыхъ кровожадныхъ, которыя были бы кровожаднѣе человѣка, которыя уничтожали бы животныхъ другой породы или другого царства не только для того, чтобы насытиться, а уничтожали бы ради уничтоженія цѣлыя племена и даже другъ друга изъ своей же собственной породы и даже семьи. Навѣрное, подобныхъ животныхъ никто не въ силахъ указать, потому что такихъ нѣтъ.

На свѣтѣ не окажется ни одного животнаго, которое въ своемъ ожесточеніи достигало бы такой безумной ненависти, до которой доходитъ человѣкъ, а именно до всеразрушающей войны, и нѣтъ ни одного животнаго, которое по своей глупости доходило бы до тѣхъ границъ саморазложенія, до которыхъ человѣкъ доходитъ въ своемъ развратѣ.

И то и другое начало, въ силу своей отрицательности, относится къ дѣйствію или къ существу второй власти, сатаны. Всемогущество сатаны, равносильное Божеской власти, доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что стремленія его, какъ озлобленнаго духа, разрушаютъ самое сильное желаніе и самыя чистыя стремленія земныхъ царей не только каждаго въ отдѣльности, но и всѣхъ вмѣстѣ.

Такъ, напримѣръ, нашъ благочестивѣйшій Государь Николай Александровичъ по чистотѣ своихъ стремленій и во исполненіе тѣхъ двухъ Божескихъ заповѣдей, о которыхъ упоминается въ 5-мъ примѣрѣ, предложилъ въ 1896 году всѣмъ царямъ и всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ принять участіе въ конференціи мира, состоявшейся въ Гаа-

гѣ. И несмотря на дружныя и искреннія стремленія всѣхъ столь высокихъ участниковъ конференціи, взялъ верхъ сатана. Смерть и разрушеніе проявились съ новой силой и кровь человѣческая вновь напоила нашу грѣшную землю еще въ большей степени. чѣмъ до начала конференціи.

И несмотря на то, что всякая война, какъ и всякое убійство, есть нарушеніе воли всемогущаго Бога, всеразрушающая сила озлобленнаго духа беретъ верхъ. Съ другой стороны, несмотря на то, что какимъ бы блескомъ своего знаменія сатана ни украшалъ доспѣхи и одѣянія воиновъ, въ душѣ каждаго изъ нихъ все-таки шевельнется чувство великаго смущенія передъ исполненіемъ обязанности, заключающейся въ убійствѣ человѣка, хотя бы и въ силу самозащиты. О, горе намъ, мы не привыкли вникать въ творимое нами зло, въ творимую несправедливость, мы не привыкли разбираться въ собственныхъ дѣлахъ и окружающей насъ жизни, а потому и не умѣемъ распознавать истину и отличать ее отъ правды. О, человѣкъ, доколѣ будешь пребывать глупѣйшимъ среди существъ!

Когда наконецъ настанетъ время, въ ко-

торое человѣкъ начнетъ отыскивать способы для локализаціи войны и всякаго убійства! Когда психіатры, пиротехники и другіе ученые начнутъ примѣнять свои знанія не для всеразрушенія, а для парализованія военныхъ дѣйствій. Для уничтоженій этой воли и силы разрушенія.

Итакъ, всемогущество второй отрицательной власти Сатаны съ ясностью доказываетъ, что человѣкъ есть глупѣйшее среди животныхъ и что пока онъ. Сатана, какъ безконечное зло. будетъ пребывать въ человѣкѣ, до тѣхъ поръ человѣкъ будетъ оставаться таковымъ, служа орудіемъ для всеобщаго разрушенія.

ГЛАВА XIX.

Торжество истины, т.-е. побѣда надъ зломъ, надъ неправдой заключается не въ убійствѣ или иномъ окончательномъ уничтоженіи зла. Убить или уничтожить зло нельзя, потому что оно вѣчно. а слѣдовательно смерти не подвергается. Убивать же или избивать порочныхъ людей это значитъ. выражаясь фигурально, бить не по коню, а по оглоблямъ. Подобнымъ же дѣйствіемъ возможно лишь подтвердить лишній разъ свою глупость.

Для того, чтобы побѣдить зло, нужно поставить себя, а не зло, въ такое положеніе, при которомъ это самое зло не могло бы отражаться въ человѣкѣ, иначе выражаясь, лишить его возможности противодѣйствовать истинѣ. А для этого человѣкъ обязанъ позаботиться о томъ, чтобы вызвать не только творчество своей мысли и силу своего ума, но и то вдохновеніе, которое единственно можетъ служить отличительной чертой въ человѣкѣ, стоящемъ выше прочихъ тварей.

Вдохновеніе это тотъ Божій даръ, который именуется Божіей искрой, той искрой, которая въ состояніи разгораться до предѣловъ Божества и угасать до степени всеразрушенія.

Но какимъ путемъ возможно получить этотъ священный великій огонь? Конечно, дубьемъ и руганью тутъ не возьмешь, такъ какъ всякое насиліе есть признакъ невѣжества, а невѣжество есть знаменіе всеразрушенія. Слѣдовательно, для этого нужно осудить въ себѣ всякое насиліе, какъ проявленіе невѣжества. Люди должны полюбить свободу по крайней мѣрѣ той любовью, которой любятъ ее всѣ свободныя животныя для того, чтобы свободно мыслить. Мысль же

развиваетъ умъ, вызывая творчество, пробуждаетъ нравственныя силы, укрѣпляетъ духъ въ человѣкѣ, т.-е. силу воли. И вотъ, когда всего этого человѣкъ достигнетъ, тогда можетъ разгорѣться та Божія искра, которая называется вдохновеніемъ. Вотъ то оружіе, которое долженъ имѣть каждый человѣкъ для того, чтобы Духъ Вѣчной Злобы и всеразрушенія не смѣлъ бы приблизиться къ нему, не имѣлъ бы возможности войти въ него. Итакъ, чтобы человѣкъ могъ побѣдить зло, т.-е. стать выше соблазна, выше страстей, онъ долженъ быть вдохновеннымъ. Вдохновенный человѣкъ—это непобѣдимая сила. Вдохновенный человѣкъ есть дѣйствительно вѣнецъ творенія, и только вдохновенный. Передъ вдохновеннымъ человѣкомъ все преклоняется, потому что у него мысль чище свѣта, слово—острѣе меча, сила воли—крѣпче стали, и самая жизнь—сильнѣе смерти.

Примѣръ одиннадцатый.

Знаменіе времени.

ГЛАВА XX.

Знаменіе времени это не есть показатель времени, въ смыслѣ опредѣленія его, какъ напримѣръ, извѣстный часъ, время года и

т. п., заранѣе опредѣленные моменты или явленія, входящіе въ кругъ непрерывнаго движенія, совершаемаго природой и самой жизнью.

Знаменіе времени это, такъ сказать, предтеча того времени, которое не можетъ быть опредѣлено ни природой, ни человѣкомъ, потому что не входитъ въ кругъ постояннаго движенія, а слѣдовательно, не поддается и вычисленію.

Итакъ, знаменіемъ времени называется такое явленіе, которое новизной своего появленія въ природѣ или въ жизни человѣка свидѣтельствуетъ о могущемъ произойти вслѣдствіе этого измѣненіи какъ въ природѣ, такъ равно и въ человѣческой жизни. И тогда обычный кругъ движенія нашей природы или собственной жизни выходитъ изъ предѣловъ своего направленія, тогда наша жизнь или природа уподобляется поѣзду, сошедшему съ рельсовъ или подобно мчащемуся паровозу, на которомъ нѣтъ машиниста. тогда заранѣе установленные часы, остановки, времена года, обычаи и обыкновенія, все это перестаетъ поддаваться опредѣленію и вычисленію, и никто тогда не знаетъ, какія могутъ произойти отъ всего этого послѣдствія, тогда про это не знаетъ

ни начальникъ станціи, ни стрѣлочникъ, ни ученый, ни министръ не только путей сообщенія, но и внутреннихъ дѣлъ, и ни рабъ, и ни царь.

Многіе вдохновенные люди чувствовали приближеніе извѣстныхъ событій, поэтому до нѣкоторой степени предугадывали и предопредѣляли ихъ. Болѣе чуткимъ и точнымъ въ опредѣленіи грядущихъ событій въ жизни народовъ и явленій въ самой природѣ былъ Христосъ. Иначе и быть не могло, потому что Онъ Богочеловѣкъ, т.-е. въ Немъ заключался даръ вдохновенія, этотъ священный огонь, достигающій божественныхъ предѣловъ въ той полнотѣ, которой не достигалъ ни одинъ пророкъ.

И вотъ все, что чувствовалъ и о чемъ говорилъ Христосъ 2000 лѣтъ тому назадъ, все то начинаетъ проявляться въ наши дни съ великой точностью, служа знаменіемъ времени, о которомъ говорилъ Онъ. Каждый человѣкъ, желающій провѣрить достовѣрность моихъ предположеній, можетъ прочесть Евангеліе и сравнить все сказанное тамъ съ событіями текущей жизни, я же этимъ лишь желаю лишній разъ подтвердить справедливость предположеній о существо-

ваніи двухъ властей. Для примѣра, кромѣ уже изложенныхъ, возьму еще два разнохарактерныхъ и въ то же время равносильныхъ событія послѣднихъ дней.

Первое это—воздухоплаваніе. Положительная власть, т.-е. творящая, создала геніальный умъ человѣка, который и использовалъ его для признанія всемогущества отражающейся въ немъ силы. Послѣднимъ доказательствомъ этому былъ созданъ аэропланъ. Человѣкъ получилъ, наконецъ, возможность уподобиться птицѣ небесной, получилъ возможность хотя на время въ любой моментъ отдѣлиться отъ грѣшной земли и унестись въ высь поднебесную, получилъ возможность хотя на время быть внѣ сферы земныхъ страданій, этого вѣчно гнетущаго зла и вѣчнаго всеразрушенія. И что же? Не успѣлъ человѣкъ привести свои мечты въ исполненіе, какъ злой духъ также заявилъ свои права. Онъ какъ власть отрицательная сказалъ надменно первой власти: „когда Ты творилъ я не мѣшалъ и не препятствовалъ Тебѣ, теперь очередь моя“. И человѣкъ, забывъ про собственное горе, стремится поскорѣе исполнить волю злого духа: способъ разрушенія создать на аэропланѣ....

Событіе второе. Въ Испаніи возстаніе, царитъ тамъ смерть и разрушеніе, и камня не остается на камнѣ отъ храмовъ христіанскихъ. Но тамъ въ этихъ храмахъ „апостолы“ слова Господня живутъ. И вотъ въ часъ смятенья, въ часъ грознаго знаменья монахи-иноки, хранители Христовой вѣры, сползаютъ съ горъ, рискуя жизнью; сползаютъ съ ними старцы, жертвуя собой. Куда, зачѣмъ спѣшатъ? Должно быть, на высшій подвигъ милосердія, какъ воины Христовы за правду душу положить, за други истины, за други человѣковъ. Пойти туда, гдѣ льется кровь людская, пойти, и словомъ истины прожечь сердца враждующихъ народовъ и силой Божескаго дара, святою силой вдохновенья отвлечь отъ злобы человѣка, любовью сердце напоить, утѣшить душу озлобленья, спасти истерзанную грудь, тщету сей жизни доказать?

О нѣтъ!

Отцы святые, старцы эти, съ горы сползаютъ и бѣгутъ, не крестъ Распятаго, не вѣру, не пламень истины, не силу вдохновенья они подъ мантіей несутъ. Нѣтъ! О горе тяжкое, о грѣхъ! Несутъ, прижавъ къ груди своей, съ великимъ трепетомъ, съ лю-

бовью, несутъ проклятіе земли, печать тельца златого, эмблему искушенья, власть сатаны и силу разрушенья....

Примѣръ двѣнадцатый.

Страшный судъ.

ГЛАВА XXI.

Судъ въ общепринятомъ смыслѣ, въ человѣческомъ пониманіи означаетъ осужденіе, потому что происходитъ отъ слова „судить“, т.-е. „осуждать“, а не „разсуждать“, въ смыслѣ опредѣленія главнаго вопроса, виновенъ или невиновенъ человѣкъ.

Это—судъ человѣческій, по которому одинъ человѣкъ судитъ другого человѣка, и осуждаетъ по степени той вины, которая опредѣляется внѣшними признаками содѣяннаго человѣкомъ поступка. Если этихъ внѣшнихъ или видимыхъ признаковъ нѣтъ, значитъ не можетъ быть и суда, т.-е. осужденія. Слѣдовательно, судъ человѣческій не совершенъ, потому что онъ односторонен: основанный на одной внѣшней сторонѣ человѣческихъ дѣйствій или проявленій, такъ какъ внут-

реннія, умственная и душевная стороны сокрыты не только отъ посторонняго наблюденія, но вчастую и отъ собственнаго. Въ силу этого многое на человѣческомъ судѣ остается тайною. Таковъ судъ человѣческій, т.-е. созданный человѣкомъ.

Другое дѣло судъ Божій.

Судъ Божій—это судъ Истины. На этомъ судѣ ничто не выпускается изъ виду, потому что ничто не составляетъ тайны. Не составляетъ же тайны, потому что въ силу Божьей истины и Его всемогущества судьей назначенъ самъ судимый. Судъ Божій это значитъ такой судъ, по которому каждый человѣкъ самъ себя судитъ. И нѣтъ суда болѣе истиннаго. потому что каждому человѣку со дня его рожденія дается неумолимый, неподкупный и неумирающій свидѣтель-совѣсть. Этотъ свидѣтель самый внимательный и неотлучный спутникъ всей человѣческой жизни.

Нѣтъ дѣла, нѣтъ мысли, нѣтъ стремленія души, которыхъ бы не знала собственная совѣсть. И вотъ она, эта совѣсть, на Божьемъ судѣ скажетъ всю правду своему Богу какъ своему началу. Вотъ почему судъ Божій называется Страшнымъ судомъ.

ГЛАВА XXII.

День же Страшнаго суда настанетъ тогда, когда перестанетъ существовать тайна, т.-е. тогда, когда и безбожники сознаютъ Бога и безсовѣстные почувствуютъ совѣсть.

Но не забудьте, что Божій судъ страшный еще и потому, что онъ общій судъ, т.-е. такой, при которомъ никто и нигдѣ не можетъ оставаться внѣ дѣйствія этого суда. Этотъ судъ будетъ собранъ „отъ четырехъ вѣтровъ“, т.-е. отъ 4-хъ странъ свѣта, востока, запада, сѣвера и юга, дабы вошли въ него всѣ народы земли и отъ „края земли и до края неба“, дабы вошли въ сферу его дѣйствія не только земля, но и остальные планеты и міры. Такимъ образомъ получится слѣдующая картина Страшнаго суда.

Залъ суда—вселенная, стороны—Богъ и Сатана, свидѣтель—совѣсть, защитникъ—любовь, обвинитель—ненависть, судья—Истина, экспертъ—разумъ, предметъ разбирательства соединеніе добра и зла, вещественное доказательство—жизнь и смерть, мѣсто заключенія—вѣчность.

И произнесетъ тогда Истина свой приговоръ, по которому достояніе Божіе—добро

возвратитъ Богу, а достояніе Сатаны—зло—возвратитъ Сатанѣ; раздѣливъ добро и зло и водворивъ ихъ въ мѣсто заключенія, станетъ между ними навсегда. И будетъ судъ Истины единственно истиннымъ судомъ.

Не думайте, что судъ Божій выдумка или что будетъ онъ еще не скоро. То и другое предположеніе докажетъ лишній разъ вашу глупость. Судъ Божій уже идетъ, онъ уже входитъ въ залъ суда и идетъ по всей вселенной. Вотъ и знаменія его грядутъ передъ нимъ. И мы всѣ не только присутствуемъ при этомъ шествіи, но и являемся участниками его.

Уже исполнилось все сказанное пророками и все сказанное Богочеловѣкомъ.

Уже сильнѣйшій царь земли, Сатана (золото),—правитъ міромъ, и сыны человѣческіе всѣхъ странъ поклонились ему и признали Вседержителемъ. Уже по слову его передвигается гора и идетъ по морю на глазахъ всѣхъ людей. Уже возстали царь на царя и народъ на народъ единовременно. Уже возстали братъ на брата. дѣти на родителей, уже явились лжепророки, проповѣдующіе обряды и насиліе, и лжехристы (іоанниты). Уже говорятъ вонъ тамъ Христосъ, и гово-

рятъ: это я. Уже возненавидѣли всѣхъ за Истину. Уже поколебались устои неба и земли, уже явились землетрясенья по мѣстамъ, голодъ, наводненіе, болѣзни и всеобщее разрушенье, уже увидѣли мерзость запустѣнья, реченную пророкомъ Даніиломъ, уже Іудеи бѣгутъ въ горы (мѣсто спасенія). Все исполнилось, кромѣ одного: остается заговорить камнямъ—и тогда все кончено! Уже тайна перестаетъ существовать. Уже приближается самъ судья Истина. Уже ей предшествуетъ правда, вскрывающая жизнь и обнаруживающая смерть. Уже всѣ дѣла каждаго человѣка въ отдѣльности, человѣческія страсти собираются въ неисчислимые грѣхи міра и группируются для раздѣленія на добро и зло. Уже многіе безбожники начинаютъ узрѣвать Бога. виднѣющагося изъ-за рухнувшей стѣны своего всемогущества и власти, уже во многихъ безчувственныхъ душахъ начинаетъ пробуждаться невѣдомый имъ дотолѣ голосъ совѣсти, уже ихъ собственные младенцы начинаютъ глаголить истину: „папа, въ твоихъ хоромахъ мы не можемъ найти себѣ мѣста для покоя; всюду намъ слышится стонъ и проклятья; бѣлоснѣжныя, мягкія постели

намъ кажутся мрачными гробами. Папа, намъ нечѣмъ дышать въ твоемъ домѣ; папа, намъ страшно! Твои изысканныя, вкусныя блюда оставляютъ вкусъ похороннаго обѣда и давятъ намъ горло. Папа, мы боимся тебя! Благоухающіе наряды мамы вызываютъ запахъ крови, свѣжей человѣческой крови. Папа, мы слышимъ въ звукахъ оркестра, въ хохотѣ добрыхъ друзей страшныя слова— слышишь ихъ, слушай! Знайте, дѣти, все,— хоромы, кровати, наряды и вкусныя блюда, и смѣхъ—все это слезы земли на нивахъ народныхъ росли, и нищій народъ, и голодный собралъ ихъ себѣ вмѣсто хлѣба, собралъ и въ суму положилъ, и поплелся по бѣлому свѣту, но изъ старой сумы эти слезы одна за другой каплями пали на землю. Но когда подобралъ ихъ вашъ папа, эти слезы ужъ не были слезы, они были палаццо, кровати, наряды, обѣдъ, и смѣхъ, и друзья, и веселье...

ВЫВОДЪ.

Изъ приведенныхъ мною 12 примѣровъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, достаточно ясно устанавливаются слѣдующія положенія:

1) Представленіе о существованіи не одной, а двухъ властей, какъ двухъ началъ, равныхъ по силѣ и противоположныхъ по стремленію, по своему существу;

2) о томъ, что, вслѣдствіе существованія двухъ властей, роль человѣка въ его земной жизни ставится въ зависимость отъ непосредственнаго воздѣйствія этихъ двухъ началъ и что начала эти, вслѣдствіе неотразимости ихъ дѣйствія, представляютъ изъ себя единственныя въ природѣ и дѣйствительно непреложныя и могущественнѣйшія двѣ власти;

3) что по характеру воздѣйствія или вліянія, подъ которое подпадаетъ человѣкъ, воз-

можно опредѣлить, какая изъ двухъ властей завладѣла человѣкомъ, и

4) вслѣдствіе всего изложеннаго каждый человѣкъ обязанъ прежде всего знать, кому изъ двухъ властей онъ самъ служитъ—Богу или Сатанѣ, и когда человѣкъ на основаніи изложенныхъ данныхъ съ точностью вполнѣ сознательно опредѣлитъ свое служеніе, т.-е. свою принадлежность той или другой власти, тогда онъ можетъ заниматься подобными опредѣленіями по отношенію другихъ лицъ.

Здѣсь я сдѣлаю нѣкоторое отступленіе. Дѣло въ томъ, что человѣкъ ничего не можетъ создать или изобрѣсть или придумать такого, чего бы еще не было въ природѣ. Все, что „создаетъ“ или „изобрѣтаетъ“ человѣкъ—все это находится уже въ природѣ, и чего въ природѣ нѣтъ, того человѣкъ создать не можетъ. Слѣдовательно, человѣкъ способенъ проявлять лишь то, что уже создано до него и безъ него, т.-е., что уже существуетъ.

Въ силу высказанныхъ соображеній надлежитъ прійти къ выводу, что человѣкъ ничего не творитъ и не создаетъ, а лишь проявляетъ то, что въ немъ отражается. Въ человѣкѣ сочетаются и комбинируются уже

существующіе образы, предметы, явленія, стремленія и мысли, такъ точно, какъ въ водѣ, зеркалѣ, объективѣ и т. п. отражаются и комбинируются окружающіе предметы и явленія, уже существующіе. Человѣкъ есть не что иное, какъ самый тончайшій *природо-чувствительный* аппаратъ, воспринимающій и комбинирующій въ себѣ такіе предметы и явленія, которыхъ не въ силахъ воспринять ни фотографическій аппаратъ, ни зеркало, ни безпроволочный телеграфъ, потому что всѣ свѣто- и звукочувствительныя пластинки лишь слабое подобіе свѣто- и звукочувствительности человѣческой, во-первыхъ потому, что человѣкъ есть аппаратъ, созданный непосредственно самимъ Богомъ, а во-вторыхъ, что вслѣдствіе этого человѣкъ есть міровой аппаратъ, вмѣщающій въ себя такую массу различнаго рода чувствовоспринимательныхъ началъ, что никогда не будетъ въ состояніи передать ихъ въ копіяхъ, т. е. надѣлать собственныхъ копій аппаратовъ по каждому предмету отдѣльно. Къ тому же въ человѣкѣ отражается еще сознаніе, мысль и сила воли, также существующія въ природѣ. Человѣкъ не въ силахъ сдѣлать копіи этихъ частей, имѣющихся у него „пластинокъ“, а

если бы и удалось ему воспроизвести ихъ, то, конечно, въ слишкомъ слабомъ видѣ, т. е. создать иллюзію, мпражъ, но не дѣйствительность, какъ и все, уже созданное имъ. Но въ тоже время человѣкъ, этотъ міровой природочувствительный аппаратъ, подвергается такой же порчѣ, какъ и всякій другой аппаратъ, сдѣланный человѣкомъ, и когда, предположимъ, въ фотографическомъ аппаратѣ какая-либо часть будетъ испорчена, то аппаратъ не будетъ въ силахъ воспринимать отражающіяся въ немъ впечатлѣнія. Говорю: *впечатлѣнія*, потому что запечатлѣнное въ аппаратѣ изображеніе извѣстнаго вещества, существующаго въ природѣ—въ аппаратѣ является лишь иллюзіей, т. е. невѣсомой матеріей, называемой „впечатлѣніемъ“.

Такъ точно, когда въ человѣкѣ испорчена какая-либо часть, служащая для воспринимапія того или иного впечатлѣнія, тогда человѣкъ, какъ и другой аппаратъ въ подобномъ случаѣ, требуетъ починки. Но разница между человѣкомъ и инымъ аппаратомъ заключается въ томъ, что въ любомъ аппаратѣ испортившуюся, даже самую главную часть, хотя бы съ великимъ трудомъ, все же возможно или исправить или за-

мѣнить такой же новой; допустимъ, вмѣсто одного объектива возможно вставить другой. Но у человѣка есть много такихъ частей, которыхъ невозможно ни замѣнить, ни исправить. Напримѣръ, когда у человѣка испортится „вещество мозга“, т. е. та часть, которая служитъ для воспринятія впечатлѣній, именуемыхъ мыслью, мы непригодность этой части называемъ идіотизмомъ, а самаго человѣка идіотомъ; исправить же или замѣнить испорченную часть вещества мозга въ данномъ случаѣ мы не въ состояніи, и человѣкъ этотъ не будетъ въ силахъ воспринимать отражающихся въ немъ впечатлѣній.... И когда въ открытые глаза подобнаго человѣка привѣтливо заглянетъ солнце или окружающая природа улыбнется ему своей очаровательной улыбкой, онъ не увидитъ и не пойметъ ихъ, потому что природо-чувствительная пластинка „вещество мозга“ испорчена. И солнце, и окружающая природа, сколько ни глядѣлись бы въ это потускнѣвшее зеркало, они не въ силахъ въ немъ запечатлѣться. И когда человѣкъ, допустимъ, видитъ солнце, но не видитъ улыбающейся природы, это значитъ, что части, воспринимающія отраженіе матеріи, въ немъ исправ-

ны, а части, воспринимающія отраженіе невѣсомыхъ началъ—испорчены или же не закончены, не развиты, т. е. какъ бы не выросли, не созрѣли еще.

Такъ какъ человѣкъ отражаетъ въ себѣ лишь то, что воспринимаетъ, а воспринимаетъ то, что существуетъ въ природѣ, и такъ какъ природа безконечна въ своихъ проявленіяхъ, то, слѣдовательно, въ человѣкѣ, въ его существѣ, какъ въ міровомъ аппаратѣ, столько природо-чувствительныхъ началъ (пластинокъ), сколько природа заключаетъ въ себѣ проявленій и особенностей. Но такъ какъ среди общей массы людей лишь время отъ времени являются единичные случаи, когда кто-нибудь изъ людей отразитъ воспринятое имъ впечатлѣніе дотолѣ неизвѣстное другимъ, это значитъ, что въ человѣкѣ природо-чувствительныя начала (пластинки) въ своей массѣ недоразвиты или попорчены, и что развитіе ихъ происходитъ, во всякомъ случаѣ, медленно, вѣками...

Къ сожалѣнію нужно сознаться, что мы, люди, несмотря на такое медленное развитіе человѣчества, вмѣсто того, чтобы стремиться къ всяческому содѣйствію этого развитія,

поступаемъ наоборотъ: при появленіи въ какомъ-либо человѣкѣ выдѣляющихся способностей мы всячески стараемся воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ развитію, предпочитая ограничиться скудоуміемъ.—Вотъ до какой степени слаба въ человѣкѣ „мозговая пластинка“... Вотъ почему всѣ наши изобрѣтатели, художники, писатели и проч. одаренные люди встрѣчаются нами враждебно, не то съ ненавистью, не то съ завистью, но во всякомъ случаѣ обрекаются на горькое существованіе... И уходятъ въ могилу всѣ эти обреченные на гибель люди, лишенные возможности даже проявить то, что воспринято ихъ веществомъ мозга „или душой“, какъ приро-до-чувствительными пластинками, и такимъ образомъ, тайна природы, готовая открыться всему человѣчеству,—вновь остается тайной... А люди?—А люди остаются людьми, т. е.—*глупѣйшими среди существъ.*

Самая грубая по своей несложности „пластинка“ это — желудокъ, воспринимающій впечатлѣнія, именуемыя аппетитомъ и чувствомъ насыщенія, впечатлѣнія, чисто матеріальныя, воспринимаемыя всякой матеріей, требующей физическаго насыщенія. Самая же нѣжная по своей чуткости „пластинка“

это—душа. Она воспринимаетъ (чувствуетъ) такія впечатлѣнія, какія недоступны ни желудку, ни веществу мозга, хотя вещество мозга, какъ пластинка, въ этомъ міровомъ природо-чувствительномъ аппаратѣ—человѣкѣ,—самая главная часть по своей мощи и по сложности воспринимаемыхъ предметовъ (впечатлѣній).

Теперь вновь возвратимся къ развитію прерванной мысли, на которой я сдѣлалъ необходимыя отступленія для анализа человѣческой воспріимчивости или впечатлительности. Здѣсь я долженъ коснуться вкратцѣ вопроса о тяготѣніи человѣка къ той власти, силу которой онъ воспринимаетъ. Человѣкъ устремляется всѣмъ своимъ существомъ навстрѣчу поработившей его власти такъ точно, какъ растеніе тянется всѣмъ своимъ существомъ навстрѣчу могучему солнцу. Это обстоятельство имѣетъ рѣшающее значеніе въ жизни человѣка, ибо устанавливаетъ принадлежность его къ той или иной власти. При подобной точкѣ зрѣнія на окружающую природу и на собственную жизнь каждому человѣку легко будетъ разобраться, *кто кому служитъ* и прежде всего каждый человѣкъ можетъ рѣшить вопросъ, кому *онъ самъ* служитъ — по-

ложительной или отрицательной власти, т. е. Богу или Сатанѣ. Подобный же анализъ собственнаго служенія будетъ безошибоченъ, потому что основанъ не на одномъ желаніи служить Богу или дѣлать добро, а на самыхъ фактахъ творимыхъ дѣлъ, по которымъ опредѣляется дѣйствительное служеніе человѣка (степень вѣры)... А вѣдь каждый понимаетъ, какая колоссальная разница между дѣломъ и желаніемъ, вѣдь результатъ этихъ двухъ явленій — несопзмѣримо противоположенъ. Возьмемъ примѣры. Предположимъ, вы стоите на мосту и видите, какъ тонетъ самый дорогой для васъ человѣкъ.... Естественно, у васъ является желаніе спасти его во что бы то ни стало. но.... увы, вы боитесь погубить собственную жизнь, боитесь утонуть вмѣстѣ съ нимъ, съ „любимымъ существомъ“ и... „ваша любовь“ идетъ ко дну..... Это результатъ одного „желанія“.... Многіе скажутъ, что они бросились бы въ воду, даже если бы не умѣли плавать, но вѣдь тогда было бы *дѣло*, а мы говоримъ лишь о *желаніи*. И вотъ, когда любимый человѣкъ утонетъ, вы искренно скажете: „Богъ видѣлъ мое желаніе спасти его, но онъ знаетъ, что это было свыше силъ моихъ“.

Теперь возьмемъ примѣръ дѣла, а не желанія: представьте себѣ, что на этотъ разъ тонете вы.

— ?!..

— Вы не купаетесь? вы осторожны? но все это не спасетъ васъ отъ смерти, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ; на этотъ разъ васъ спасетъ вашъ врагъ.... Да, самый заклятый врагъ, котораго лишь вы въ состояніи опредѣлить....

— !?.....

— Очень просто: онъ во время замѣтилъ вашу гибель и вытащилъ васъ изъ воды безъ всякаго желанія.

— ?!.....

— Да такъ, вытащилъ и ушелъ, даже ничего не сказалъ и даже не слышалъ, какъ вы потомъ въ нѣмомъ ужасѣ отъ пережитой „смерти“ и глубокаго не то смущенія, не то умиленія восклицали: „Господи, да что же это? Господи, воистину, пути Твои неисповѣдимы!... Господи, тамъ гдѣ я искалъ,—Тебя не было... А откуда не ждалъ Тебя, Ты явился ко мнѣ“?... Если вы умилитесь, если чистыя слезы проснувшейся любви облегчатъ ваши скорби, то вы поймете тогда смыслъ великихъ словъ, читаемыхъ

надъ мертвецомъ: „други мои оставили мя и ближнія мои далече мя сташа“... Эти слова прозвучали также и въ шумѣ волнъ, захлестнувшихъ вашего друга, когда вы стояли на мосту, когда въ послѣдній разъ встрѣтились ваши взоры...

Но теперь все кончено; вы находитесь въ полузабытьѣ, васъ везутъ въ каретѣ скорой помощи, вы уже далеко отъ мѣста катастрофы, а вамъ все чудится уходящій вашъ „врагъ“. Когда же васъ привезли въ больницу, вамъ казалось, что то былъ не „онъ“, а „слова“, казалось вамъ, что будто бы удаляются отъ васъ „слова“ и вы ясно слышите ихъ: „не лобзанія Ти дамъ яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдую Тя“... Вы начинаете вслушиваться и припоминать.... Вы наконецъ поняли, что эти слова говоритъ вашъ „врагъ“ и что онъ былъ пригвожденъ ко кресту, къ которому никто иной, какъ вы сами пригвоздили его своими руками...

Вотъ какая громадная разница между *дѣломъ* и *желаніемъ*, между тѣми послѣдствіями, которыя составляютъ причину и жизни и смерти или правильнѣе, атмосферу, созданную людьми, въ которой одинъ долженъ умереть для того, чтобы дать жить другому...

Подобные примѣры служатъ достаточнымъ опредѣленіемъ принадлежности человѣка къ той или другой власти. Такъ напримѣръ. въ первомъ случаѣ, когда вы отнеслись эгоистично къ гибели вашего любимаго человѣка, вами овладѣла отрицательная власть, парализовавшая ваши дѣйствія, несмотря на то, что положительная власть находилась подлѣ васъ. Послѣднее обстоятельство устанавливалось „желаніемъ“ вашимъ спасти, но сатана взялъ верхъ.

Теперь разсмотримъ второй случай. Васъ спасаетъ отъ смерти вашъ врагъ. Это значитъ, что врагомъ овладѣла положительная власть, несмотря на присутствіе подлѣ него отрицательной власти, выразившейся въ отсутствіи желанія спасти васъ. Слѣдовательно, Богъ не покидалъ вашего врага, а это значитъ, что онъ воспринималъ отраженіе положительной власти въ большей мѣрѣ нежели вы и, что въ силу этого, вы несправедливо считали его своимъ врагомъ.

Заключеніе.

Такъ какъ цѣль моего писанія заключалась въ данномъ случаѣ въ желаніи найти, т.-е. опредѣлить ту грань, которая служитъ предѣльной линіей между добромъ и зломъ, то я полагаю, что при помощи взятыхъ 12 примѣровъ, приведенныхъ въ этой книгѣ получится достаточная къ тому возможность.

При сопоставленіи этихъ примѣровъ красной нитью проходятъ два противоположныхъ другъ другу начала—положительная и отрицательная власти, послужившія основаніемъ для сдѣланнаго мною вывода. Въ силу же самаго вывода надлежитъ прійти къ слѣдующему заключенію:

а) грань между добромъ и зломъ должна чувствоваться при соприкосновеніи между собою двухъ началъ—положительной и отрицательной власти;

б) линія же соприкосновенія есть промежутокъ между мыслью съ одной стороны и сознаніемъ съ другой;

в) этотъ промежутокъ и заключаетъ въ себѣ ту нейтральную грань, на которой балансируетъ добро и зло, оба въ равной мѣрѣ рискуя соскользнуть съ этой тончайшей линіи;

г) эта грань, какъ самая тончайшая по чувствительности пластинка такъ приспособлена въ человѣческомъ существѣ, что раздѣляетъ его собою на двѣ равныя части, на двѣ, такъ сказать, плоскости, исходя изъ глубины души и теряясь въ центрѣ вещества мозга;

д) такимъ образомъ въ одной части; въ одной плоскости человѣческаго существа, по одну сторону нейтральной линіи отражается власть положительная—Богъ, а въ другой части, въ другой плоскости человѣческаго существа, по другую сторону нейтральной линіи отражается сатана, какъ власть отрицательная;

е) слѣдовательно, когда человѣкъ предрасположенъ къ порабощенію какой-либо властью, то проявляетъ соотвѣтствующее къ тому стремленіе во время балансированія или борьбы этихъ властей и тогда та власть побѣждаетъ другую, на сторону которой становится человѣкъ, овладѣвая послѣднимъ.

Подобную борьбу двухъ силъ, отражающихся въ человѣкѣ, можно сравнить съ борьбою свѣта съ тьмой: повернется земля одной стороной къ солнцу и ночь убѣгаетъ отъ свѣта, повернется другой стороной и свѣтъ уступаетъ свое мѣсто ночи...

ж) подобное явленіе выражается въ томъ, что побѣжденная власть уступаетъ свое мѣсто въ большей или меньшей части, т.-е. плоскости побѣдившей власти; вслѣдствіе этого и нейтральная линія переносится въ сторону отступившей власти, т.-е. до границы общаго соприкосновенія, образуя такимъ образомъ полукругъ; но такъ какъ она въ то же время служитъ соединеніемъ центра человѣческаго разума съ глубиной его души, то вслѣдствіе этого подобное перенесеніе ея въ сторону, совершается съ извѣстнымъ растяженіемъ или удлиненіемъ ея, вызывающимъ соотвѣтствующее напряженіе какъ душевныхъ, такъ равно и умственныхъ силъ;

з) но никогда не можетъ такъ случиться, чтобы одна изъ двухъ властей окончательно уступила свое мѣсто, т.-е. занимаемую ею часть или плоскость другой власти. Поэтому и у святого человѣка остается плоскость

хотя бы въ малой части, воспринимающая отраженіе отрицательной власти. Вотъ почему святой не есть безгрѣшный, и никто имъ не можетъ быть кромѣ единаго Бога. Такъ точно и положительная власть сохраняетъ за собою и въ самомъ послѣднемъ грѣшникѣ, хотя малую часть плоскости для своего отраженія, для безпрерывнаго пребыванія въ человѣкѣ, пока онъ живетъ на свѣтѣ. И такъ будетъ продолжаться пока существуетъ міръ, пока обѣ власти не отдѣлятся одна отъ другой, пока Истина не станетъ между ними навсегда...

л) Пребываніе же Божескихъ началъ даже въ величайшаемъ грѣшникѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что и онъ такой же человѣкъ, какъ и святой, но только находится въ рабствѣ у отрицательной власти. Поэтому никогда не нужно не только лишать жизни кого бы то ни было, но и проклинать.

м) Нельзя это дѣлать потому, что убивая грѣшника, допустимъ разбойника, мы такъ сказать, сокращаемъ площадь отраженія Божескихъ началъ, которая составляется изъ совокупности всѣхъ частей или плоскостей, заключенныхъ въ каждомъ человѣкѣ. Такимъ образомъ, мы какъ бы убиваемъ самого Бога;

н) Богъ есть жизнь, а мы ее пресѣкаемъ, не даемъ ей ни въ комъ отразиться; мы не даемъ ей отразиться ни въ святомъ, ни въ порочномъ человѣкѣ, ни даже въ самомъ себѣ; мы того и другого стремимся истреблять, а убивая ихъ, мы убиваемъ прежде всего себя, мы площадь отраженія положительныхъ началъ сокращаемъ такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, вдвое: во-первыхъ, убивши человѣка, мы уменьшили площадь Божьяго отраженія на ту часть, которая еще сохранялась въ немъ, а во-вторыхъ, для того, чтобы убить кого бы то ни было мы должны собственную плоскость, воспринимающую отраженіе сатаны, увеличить до предѣловъ содѣяннаго нами грѣха за счетъ другой собственной части, воспринимающей Божеское начало.

о) Почему же все это происходитъ? Да потому что мы—слуги сатаны, потому что мы имѣемъ бо́льшее тяготѣніе къ разрушенію, чѣмъ къ созиданію, потому что мы—чертовы дѣти. Сатанѣ важно, чтобы въ его адъ кромѣшный, въ это бездонное невѣжество не проникалъ бы лучъ Божьяго свѣта потому, что онъ сатана, врагъ жизни. Онъ самъ есть смерть, и всюду ее ищетъ, и мы раболѣпно подставляемъ ему свои недозрѣ-

лыя головы для выколачиванія изъ нихъ собственной жизни, потому что убивая другого, мы убиваемъ и себя;

п) поэтому: 1) каждый человѣкъ долженъ радоваться и малѣйшему проявленію жизни, отражающейся даже въ преступникѣ, 2) никто не долженъ говорить или думать, что у него есть „врагъ“ въ образѣ человѣка, потому что нѣтъ большаго врага для человѣка, какъ онъ самъ для себя, и 3) каждый человѣкъ долженъ твердо знать, что единственная сила, побѣждающая ненависть, злобу и проклятіе, это—любовь, посылающая благословеніе всему міру въ равной степени.

Пошлемъ же и мы всѣмъ и каждому сердечное благословеніе изъ глубины своей души, дабы не соблазниться грѣхомъ человѣконенавистничества.

Благословеніе.

Благословляю васъ я степи дорогія:
Для мысли, для души, вы дали мнѣ просторъ...
И васъ луга, лѣса и нивы золотыя—
За вашъ привѣтливый, чарующій уборъ.

Благословлю все и всѣхъ я въ цѣломъ свѣтѣ
За ту гармонію величья, красоты,
Что создала въ умѣ моемъ мнѣ мысли эти
И до безпредѣльной несетъ ихъ высоты....
Благословлю васъ—уже ушедшихъ въ вѣч-
ность,
Благословляю міръ незримый бытія
И ту великую святую безконечность,
Къ которой нѣкогда причисленъ буду я!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	3
Вступленіе	4
Примѣръ первый. Единовластіе	7
„ второй. Вѣра и религія	11
„ третій. Инерція и ея первоисточникъ	19
„ четвертый. Совѣсть	29
„ пятый. Провокація христіанства .	38
„ шестой. Цѣнность	52
„ седьмой. Рабство золотого тельца	71
„ восьмой. Сатана	73
„ девятый. Безправіе—по праву . .	79
„ десятый. Глупѣйшее среди существъ	86
„ одиннадцатый. Знаменіе времени .	96
„ двѣнадцатый. Страшный судъ . .	101
Выводъ	107
Заключеніе	119
Благословеніе.	124

ИЗДАНІЯ ВАСИЛІЯ ТЕМНАГО

съ объясненіемъ ихъ содержанія:

I. Борьба (политическая) съ религіозно-философской точки зрѣнія. Цѣна **35** коп.

Содержаніе: Психологическія причины возникновенія революціи въ Россіи въ 1905 г. Обогащеніе, власть и первенство, какъ источникъ психологическаго препятствія къ устроенію на землѣ справедливыхъ соотношеній между людьми. Добро и зло какъ доказательства двухъ началъ, равныхъ по силѣ и противоположныхъ по проявленіямъ, — Бога и Дьявола. Первый рожденный человѣкъ —Каинъ— произошелъ не отъ сотвореннаго Богомъ человѣка Адама, а отъ принявшаго человѣческій образъ Дьявола (первое воплощеніе Духа Зла на землѣ въ человѣкѣ). Стихотвореніе: сотвореніе міра и грѣхопаденіе.

II. Брачный вопросъ (II-е изданіе). Цѣна **20** коп.

Содержаніе: Семейныя особенности у первыхъ людей Адама и Евы, у древнихъ іудеевъ, магометанъ и христіанъ и у современныхъ людей. Возникновеніе и развитіе рабства. Порабощеніе жены и дѣтей. Всеобщій развратъ. Разложеніе семьи и государства. Путь къ обновленію человѣка и возрожденію семьи.

III. Причины самоубійствъ. Цѣна 5 коп.

Содержаніе: Большинство самоубійствъ происходитъ среди молодежи. Нѣкоторые родители и воспитатели сваливаютъ свою вину на экзамены. Зараженная кровь родителей служитъ физическимъ питаніемъ во чревѣ матери, а эротическія наклонности подготовляютъ нервную систему для будущаго убійцы или самоу[illegible]. Забота о „домахъ свида-

ній“ превышаетъ заботу о воспитаніи и образованіи. Значеніе экзаменовъ. Мысли, предшествующія самоубійству. Призывъ къ борьбѣ съ тиранами.

IV. Двѣ власти. Цѣна 35 коп.

Содержаніе: Положительное и отрицательное начала представляютъ изъ себя двѣ власти равныхъ по силѣ и противоположныхъ по стремленію: сила одной власти—всесозидающая, другой—всеразрушающая. Первая власть свидѣтельствуетъ о могуществѣ человѣка, дѣлая его царемъ земли и вѣнцомъ творенія, а вторая власть съ ясностью доказываетъ, что глупѣйшее среди существъ—человѣкъ и что, вслѣдствіе этого, онъ представляетъ изъ себя полнѣйшее ничтожество. Въ доказательство изложенныхъ соображеній приводится 12 нижеслѣдующихъ примѣровъ:

Примѣръ первый—Единовластіе.
„ второй—Вѣра и религія.
„ третій—Инерція и ея первоисточникъ.
„ четвертый—Совѣсть.
„ пятый—Провокація христіанства.
„ шестой—Цѣнность.
„ седьмой—Рабство золотого тельца.
„ восьмой—Сатана.
„ девятый—Безправіе—по праву.
„ десятый—Глупѣйшее среди существъ.
„ одиннадцатый—Знаменіе времени.
„ двѣнадцатый—Страшный судъ.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и у агентовъ.

Складъ изданій: Москва, Волхонка, д. Котова, кв. 110.

2007096544